

2007-7
4778 2

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ, ОЧЕРКОВ, ЭССЕ

СОБРАНИЕ

МОСКВА 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссионные проблемы истории и методология исследования

<i>В. Страда</i> (Венеция) Россия как часть и как Иное Европы	9
<i>Д. Ливен</i> (Лондон) Россия как империя и периферия	17
<i>С. Живанов</i> (Белград) Россия на путях незаконченной модернизации	31
<i>И. Р. Тагиров</i> (Казань) О некоторых проблемах российской истории	36
<i>В. В. Журавлев</i> (Москва) Реформы конца XX столетия в контексте исторических традиций России	44
<i>Ю. А. Поляков</i> (Москва) Будь я астрологом... ..	51

Грани прошлого: гипотезы, парадоксы, открытия

<i>А. П. Деревянко</i> (Новосибирск) Археологическое наследие России: проблемы сохранения и изучения	61
<i>Г. М. Бонгард-Левин, Г. А. Кошеленко</i> (оба — Москва) «Политизированная мифология» в Парфии	73
<i>А. И. Иванчик</i> (Москва) К мифологической географии Боспора: Были ли киммерийцы на Боспоре Киммерийском	84
<i>И. И. Попов</i> (Москва) О противоречиях в структуре и содержании Корана	88
<i>А. А. Кудрявцев</i> (Ставрополь) О влиянии переднеазиатских градостроительных традиций на формирование оборонительной архитектуры древнего Дербента	97
<i>Б. Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург) Дальние подступы к классическим русским утопиям	108
<i>С. М. Каштанов</i> (Москва) Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря	119
<i>Е. А. Вишленкова</i> (Казань) Гендерные репрезентации «русскости» (XVIII — первая четверть XIX века)	135
<i>Л. Г. Захарова</i> (Москва) Цесаревич Александр Николаевич в Европе. 1838–1839	143
<i>И. А. Христофоров</i> (Москва) «Вертикаль власти» или патриархальный контроль? Судьба административной реформы во внутренней политике 1880-х годов	153

<i>М.Ш.Махтаев</i> (Москва) Революционный экстремизм и военная юстиция России (вторая половина XIX — начало XX века)	166
<i>Д.Кип</i> (Берн) Свежий взгляд на РСДРП	193
<i>И.Х.Урилов</i> (Москва) 1908 год в жизни РСДРП	203
<i>Г.Л.Соболев</i> (Санкт-Петербург) «Дело Ганецкого» в ЦК РСДРП(б) в 1917 году	246
<i>Л.Хеймсон</i> (Нью-Йорк) Из истории июльского кризиса 1917 года	252
<i>В.В.Шелохаев</i> (Москва) Либеральная стратегия и тактика разрешения системных кризисов	271
<i>В.Л.Телицын</i> (Москва) Либерал Лев Литошенко и его критика марксизма	278
<i>Т.Эммонс</i> (Стэнфорд) Проблема «Россия и Запад» у М.И.Ростовцева и П.Н.Милюкова после 1917 г.	291
<i>Л.В.Тягуненко</i> (Москва) Русские революции и Балканы	297
<i>З.Л.Серебрякова</i> (Москва) Письмо, прочитанное через много-много лет	305
<i>А.А.Данилов</i> (Москва) Как боролись с привилегиями в первые годы советской власти	309
<i>А.И.Османов, Г.А.Искендеров</i> (оба — Махачкала) К вопросу об идеологии и социальной психологии крестьянства Дагестана (20–30-е годы XX века)	319
<i>Д.Б.Павлов</i> (Москва) Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг.	333
<i>А.А.Сальникова</i> (Казань) Символы и образы советского университетского пространства и их специфика	349
<i>С.Ю.Мальшева</i> (Казань) Трансформация праздничного календаря в Татарстане в 1920–1930-е годы	358
<i>Н.А.Ивницкий</i> (Москва) Голод 1932–1933 годов	365
<i>Б.Ф.Султанбеков</i> (Казань) Татария в «Особой папке» Сталина	371
<i>В.Д.Поликарпов</i> (Москва) «Пятая колонна» в СССР в 30-е годы XX века	376
<i>А.И.Козлов</i> (Ростов-на-Дону) Нацистская мифология об арийском происхождении казачества	393
<i>Я.С.Драбкин</i> (Москва) Потсдам и Карлсхорст в послевоенной Германии. Символы и реалии	405
<i>А.А.Фурсенко</i> (Санкт-Петербург) Об одном неразгаданном донесении разведки	413

<i>А.А.Ляховский</i> (Москва) Операция «Байкал–79»	416
<i>А.С.Черняев</i> (Москва) Национальный вопрос и распад СССР	424
<i>Г.Г.Гамзатов</i> (Махачкала) Многонациональный регион: факторы согласия и межэтнического напряжения	439
<i>Б.Д.Панкин</i> (Москва) Заметки о «шведской модели» и ее социал-демократических создателях	450
<i>В.А.Рыжков</i> (Москва) Столетний круг России	457
<i>В.А.Виноградов</i> (Москва) Приватизация в России на грани столетий	462
<i>А.Д.Степанский</i> (Москва) «Археографическая революция» в постсоветской России	468
<i>А.О.Чубарьян</i> (Москва) Россия в мировой истории. Национальные российские ценности и приоритеты и их отражение в учебниках истории в средней школе	481

Личность и время: точки соприкосновений и противоречий

<i>С.В.Тютюкин</i> (Москва) Больше, чем любовь (граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова)	489
<i>А.П.Толстяков</i> (Москва) Русский дипломат — американский писатель	502
<i>Б.В.Ананьич</i> (Санкт-Петербург) И.Е.Репин и И.И.Толстой	508
<i>Р.Ш.Ганелин, Т.В.Андреева</i> (оба — Санкт-Петербург) Судьба большевика-объединенца: материалы к биографии А.М.Файнштейна	515
<i>Я.Г.Рокитянский</i> (Москва) Неизвестный этап интеллектуального развития академика Д.Б.Рязанова (конец 80-х — первая половина 90-х гг. XIX в.)	523
<i>А.Л.Литвин</i> (Казань) Реакция современников на смерть Г.В.Плеханова	542
<i>Б.С.Орлов</i> (Москва) «Момент истины» Георгия Валентиновича Плеханова	547
<i>А.А.Чернобаев</i> (Москва) Н.А.Рожков: судьба историка и политика (1917–1927 гг.)	553
<i>Г.А.Толстяков</i> (Москва) Первая встреча, последняя встреча. У Берберовой в Филадельфии	569
<i>М.В.Ардов</i> (Москва) Жертва акмеизма	582
<i>И.П.Руденко</i> (Москва) Сталин разрушил миллионы семей	590

Познаваемое и непознанное

<i>Ю. С. Кукушкин</i> (Москва) Классические университеты в гуманитарной Европе	597
<i>О. В. Лебедь</i> (Москва) Причинно-следственная диаграмма в оценке качества образования	604
<i>М. А. Якубов</i> (Москва) Музыкальный инструмент в смене эпох	608
<i>Н. М. Евдаев</i> (Нью-Йорк) Тайна в мастерской Бурлюка	618
<i>Е. И. Кукушкина</i> (Москва) Теория социальной коммуникации: российские истоки	625
<i>Л. Н. Соловьев</i> (Москва) О функциональном подходе к информации в криминалистике	633
<i>Г. П. Юрьев, Е. И. Лебедь, М. А. Пронин</i> (все — Москва) Виртуальная генеалогия в алгоритмах бессмертия памяти поколений	638

«Вторая муза»

<i>С. Н. Кондрашов</i> (Москва) Сокровенное	645
<i>Е. Д. Дога</i> (Москва) Об отце	671
<i>Е. Ю. Кораблева</i> (Москва) «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»	680
<i>А. А. Шаганов</i> (Москва) Из детства	683
<i>А. В. Баталов</i> (Москва) Таня и бабушка (сказка)	686
<i>Б. Л. Васильев</i> (Москва) Государева тайна. Московская легенда	688
<i>В. К. Кикабидзе</i> (Тбилиси) Ахмад	697

Время человека

<i>Ш. Н. Амиров</i> (Москва) Ты помнишь, как все начиналось?	701
<i>Д. А. Гранин</i> (Санкт-Петербург) Больше слушающий, чем говорящий	709
<u><i>Е. И. Минц</i></u> (Москва) Тридцать лет назад	711
Из архива Ю. И. Кораблева (дневниковые записи 1996 года)	714
Сведения об авторах	715

1908 ГОД В ЖИЗНИ РСДРП¹

Социал-демократы (большевики и меньшевики) чувствовали себя наиболее проигравшими от результатов революции. Они мечтали о свержении самодержавия, парламентской республике, создании социального государства, гарантированного права трудящихся. А были вынуждены отправиться в новую эмиграцию или в тюрьмы и ссылки.

В.И.Ленин с 1906 г. жил в Финляндии, в Куоккала. Встретившись в августе 1907 г. с А.В.Луначарским, он сказал ему, что в России на 3–4 года установится реакция, но он намерен жить в Финляндии, недалеко от Петербурга². Однако вскоре он был вынужден покинуть Финляндию, где ему угрожал арест, и переехал в Стокгольм, затем в Берлин, Женеву, где жил до ноября 1908 г., потом перебрался в Париж. Ю.О.Мартов писал П.Б.Аксельроду 10 декабря 1907 г. с известной долей иронии: «Как водится, первый уехал Ленин». Б.И.Николаевский комментировал: Ленин с «исключительной старательностью берег себя от ареста, считая, что без него — если арест надолго вырвет его от активной работы — все развитие внутрипартийных отношений пойдет иными путями»³.

Г.В.Плеханов оставался в Женеве. После Лондонского съезда (1907) вернулся в Цюрих (Швейцария) П.Б.Аксельрод. Он был болен, и ему предстояло приспособиться к жизни без недавно умершей от рака жены и смириться с финансовыми затруднениями, связанными с появлением конкурентной компании по производству кефира. Приступы неврастения у него были настолько сильными, что Аксельрод не мог работать. Вскоре он решил сменить обстановку, отдохнуть и воспользовался предложением Ю.О.Мартова и Ф.И.Дана, чтобы пожить вместе с ними в летнем домике около Бордо во Франции. Они настояли на его встрече с врачом, который за большую сумму денег дал Аксельроду «нужный совет» хорошенько отдохнуть. Жизнь с друзьями в течение двух месяцев подействовала на Аксельрода благотворно, и он понемногу снова приступил к работе⁴.

Мартов из Лондона сразу уехал в Париж, а вскоре к нему присоединился Дан. Л.Д.Троцкий обосновался в Вене. Они все оставались в эмиграции вплоть до 1913 г., когда амнистия в связи с 300-летием династии Романовых позволила им легально вернуться в Россию (некоторые, например Дан, ездили в Россию в то время нелегально). Эмиграция для них означала продолжение политической деятельности, подготовку к возвращению в новую и, желательно, революционную страну.

Ленин не сомневался в правильности действий большевиков в 1905–1907 гг., хотя и не объяснял причины неудач многих их начинаний (бойкот выборов в Государственную думу, вооруженные выступления и т.д.). Отдельные большевики признавали падение влияния своей фракции в массах со второй половины 1907 г. Ц.Зеликсон-Бобровская вспоминала о том, что в 1907–1908 гг. «сочувствующие вовсе перестали нам сочувствовать, мы определенно стали выходить из моды, на смену нам пришли всякие философские и иные проблемы». Д.Ф.Сверчков, тогда

меньшевик, приехав в Париж в конце 1907 г., удивился «полному исчезновению тех дружеских отношений, которые существовали между русскими эмигрантами раньше, в 1903–1904 гг.» Он заметил разделение фракции большевиков на «правоверных ленинцев», богоискателей и отзовистов, а меньшевиков — на «ликвидаторов» и «партийцев»: «Вся эта масса течений вела к тому, что на общепартийных собраниях невозможно было договориться часто даже по фракциям, и иногда получались при голосованиях совершенно неожиданные группировки». Сверчков имел в виду совместные выступления большевиков с меньшевиками-партийцами, объединительные попытки Л.Д.Троцкого, работу комиссии по содействию думской социал-демократической фракции (П.Б.Аксельрод, Ф.И.Дан, Л.Б.Каменев, В.И.Ленин, Ю.О.Мартов, Д.Ф.Сверчков и др.), в которой обсуждались речи депутатов с критикой правительственных законопроектов и т.д. Этим Сверчков подчеркивал и факт совместной работы лидеров большевиков и меньшевиков, связанной с деятельностью общей социал-демократической фракции III Государственной думы⁵.

Заметим, что сами выборы депутатов Думы сопровождались на местах договоренностями между социал-демократами и представителями иных партий. Так, Н.Н.Жордания — меньшевик и член ЦК РСДРП (1907) — вспоминал, как договорился в Тифлисе с кадетами об избрании меньшевика Н.С.Чхеидзе в Думу. Жордания убеждал их, говоря, что в настоящий момент социал-демократы идут в Думу не для того, чтобы бороться за социализм, а хотят добиться вместе с либералами «политических и человеческих прав»⁶.

Известно, что III Государственная дума функционировала с 1 ноября 1907 г. по 9 июля 1912 г. В ее работе участвовали 442 депутата, причем наиболее многочисленны были представители партии октябристов (136 депутатов). Социал-демократическая фракция вначале насчитывала 20 депутатов, но затем по разным причинам ее численность сократилась до 14 человек. Руководителем фракции был меньшевик Н.С.Чхеидзе. Из 20 депутатов 11 были меньшевиками или примыкавшими к ним. Всего за время работы III Дума рассмотрела 2432 законопроекта, 162 из которых внесла социал-демократическая фракция (все они были отвергнуты)⁷. Разумеется, выборы в Думу, а затем работа в ее составе политизировали население и способствовали конкурентной борьбе партий. Но работа социал-демократической фракции III Государственной думы была неэффективной по многим причинам. Уже в самом начале ее деятельности А.Н.Потресов в письме к Ю.О.Мартову (11 июня 1907 г.) вопрошал: «С третьей Думой нам, социал-демократам, вероятно, нечего будет делать... А отсюда для нас всех лично остается проклятый вопрос — что же делать?»⁸

Положение в то время осложнялось тем, что ЦК РСДРП, избранный на V съезде партии (1907), не пользовался авторитетом, и уже весной 1908 г. член ЦК А.С.Мартынов и кандидат в члены ЦК Б.И.Горев в частном письме своим коллегам по меньшевистской фракции предлагали «для оживления деятельности партии» создать информационно-организационное бюро и ограничить права Русского бюро ЦК. На пленуме ЦК, состоявшемся в Женеве 24–26 августа 1908 г., это письмо рассматривалось как «инцидент», вызвавший возмущение Ленина («меньшевик-цекисты пытались прямо сорвать ЦК партии, прекратить функционирование этого учреждения»). Никакие разъяснения по этому поводу Горева и Мартынова не смогли убедить вождя большевиков, а вслед за ним и советскую историографию в необходимости отказаться от этой доведенной до абсурда точки зрения⁹. Пленум принял решение о созыве общепартийной конференции.

Более решительно против взаимодействия с ЦК партии выступила думская фракция РСДРП, которая на одном из первых заседаний (22 ноября 1907 г.) приняла решение о независимости своих действий: «Думская с.-д. фракция есть группа автономная, которая, прислушиваясь к голосу партии, в каждом конкретном случае думской работы решает вопрос самостоятельно»¹⁰.

Для многих меньшевиков, оставшихся в России, было ясно, что с завершением революции, когда, по определению И.Г.Церетели, «штык поставлен в порядок дня»¹¹, нужны были неординарные решения о формах и методах ведения работы в новых условиях. П.А.Гарви вспоминал, как в Териоках у проживавшей там Л.И.Аксельрод (Ортодокс) состоялось тогда заседание «звездной палаты» меньшевиков, обсудивших отсутствие рабочей реакции на третьеиюньский переворот 1907 г. Он писал, что настроение собравшихся было подавленное, рабочие апатично отнеслись к разгону II Государственной думы и начавшемуся политическому террору. Выступивший на заседании Ф.И.Дан предлагал агитировать провинциальных рабочих, но В.И.Засулич считала ненужным «подхлестывать упирающуюся стихию революции». Гарви тоже полагал, что стачки и восстания не могут быть повседневными формами борьбы. Большинство участников заседания решило вести повседневную агитацию среди населения и мобилизовать политическую энергию рабочих в тех формах, которые в то время воспринимались массами¹².

1908 г. известен как время некоей стабилизации политической обстановки в России: уменьшилось число протестных выступлений, III Дума была более послушна правительственной политике, нежели предыдущие недолговечные парламенты. Современники отмечали резкое сокращение числа радикальных революционных требований у различных слоев общества. Меньшевик и бундист Г.Я.Аронсон писал, что примерно с 1908 г. «наблюдался процесс пореволюционной стабилизации», которая проявилась в различных профессиональных съездах, создании легальных рабочих организаций и появлении открытой социалистической печати¹³. С 1908 г. в политической жизни общества заметно усиливается роль либеральных и консервативных партий с их пропагандой чисто эволюционного развития страны¹⁴.

Поиски причин поражения революции приводили руководство РСДРП к переосмыслению прежде всего тактических и организационных задач партии в новых условиях. Лидеры фракций, вновь оказавшись в эмиграции, сознавали, что их воздействие на происходящее в России минимально, что времена «Колокола» А.И.Герцена и старой «Искры» с их значительным влиянием на общественное мнение прошли. Лидеры меньшевизма понимали, что возвращаться к испытанным подпольным методам борьбы и организации партии (издание газеты, нелегальные кружки и т.д.) уже нельзя без привнесения новых форм работы в условиях, когда легально функционировала социал-демократическая фракция Государственной думы, существовали легальная периодика, профсоюзы и собирались различные кооперативные, земские, учительские, врачебные и национальные съезды. Ведь известно, что, если в стране открыто действует оппозиция, роль зарубежной фронды резко сокращается.

К тому времени ситуация в России и мире существенно изменилась. Когда-то А.И.Герцен и М.А.Бакунин были первыми русскими, которых признала как равных себе политическая элита Европы. «Полярная звезда» и «Колокол» начали систематическую революционную агитацию и много сделали для объединения российских эмигрантов вокруг призывов борьбы с царизмом. Герцен был против масштабных

утопических идей социалистов и других преобразователей общества, если они пренебрегали мнением меньшинства или угрожали индивидуальной свободе. Он не принял марксизма, видя в нем прежде всего разрушительную идею. Герцен считал, что идеал, над которым запрещено смеяться, не может быть таковым¹⁵.

В конце XIX – начале XX столетия в России модным стал марксизм. Социал-демократическое движение, возглавляемое Г.В.Плехановым, П.Б.Аксельродом, В.И.Лениным, Ю.О.Мартовым, А.Н.Потресовым, стало частью мирового социалистического движения. Со многими другими российскими политическими партиями социал-демократов объединяла общая идея – борьба с самодержавием. На этом общность заканчивалась: методы и формы борьбы были у них разными, как и представления о будущем устройстве страны. Среди российских социал-демократов стали организационно оформляться более умеренные (меньшевики) и радикальные (большевики) партии. Но для тех и других объектом воздействия оставался, по Марксу, рабочий класс, а сам марксизм стал чем-то вроде «священного писания» и был вне критики. Сторонники марксизма проповедовали коллективизм, социальную общность и создание государства «диктатуры пролетариата». Приверженцы марксизма объявили изгоями наиболее состоятельную часть населения страны, и потому их классовая проповедь не была воспринята сторонниками частной собственности и равных для всех людей прав человека. При этом, в отличие от Герцена, русские социал-демократы были известны на Западе лишь последователям марксизма, большинство которых отдавало при этом предпочтение меньшевикам, а не большевикам¹⁶.

Разумеется, новая ситуация в России после событий 1905–1907 гг. требовала изменения тактических и организационных форм работы обеих фракций РСДРП. Первая российская революция привела к определенной либерализации самодержавного режима. Для выработки новых форм деятельности российским социал-демократам нужно было время. Вначале было разочарование. «На русские дела смотрю довольно уныло, – писал Мартов Потресову 3 ноября 1907 г. – III Дума будет, очевидно, перевариваться русской действительностью очень долго. Правда, результаты этого процесса обещают быть очень плодотворными, но – к моменту их обнаружения, что станет с нашей меньшевистской белкой? Останется ли у нее хоть пара зубов? Боюсь, что к тому времени от старой «профессионально-марксистской» интеллигенции останутся лишь рожки да ножки в виде бухгалтеров кооперативных обществ». Ему вторил Потресов, предлагавший в письме Мартову (9 февраля 1908 г.) отказаться от тактики времен издания прежней «Искры» и «пересмотреть свой старый багаж». В тогда же написанном письме Аксельроду Потресов подчеркивал, что следует «разобраться в прошлом и настоящем» критически, с точки зрения марксизма отнестись ко всем существующим идеологиям и настроениям, что нужна газета в России, потому что, «уехав за море, аудитории себе не создашь!». Потресов утверждал в письме Мартову 3 марта 1908 г., что «спасти меньшевизм» можно, только «выпрыгнув из привычного круга вопросов», обозначая существующую ситуацию как «настоящий идейный и общественный кризис»¹⁷.

Лидерам меньшевизма в эмиграции и Потресову в Петербурге важно было понять, по какому пути движется страна после третьеиюньского (1907) переворота, нужно ли готовиться к скорой новой революции или буржуазия и либерально-консервативные партии поддержат режим, создаваемый Столыпиным? Лишь определившись теоретически, можно было в соответствии с программными установками организационно перестроить партию.

Руководители меньшевистской фракции в то время пришли к выводу о буржуазном характере прошедшей российской революции и полагали, что не от пролетариата, а от буржуазии зависит будущая борьба с самодержавием. Ф.И.Дан считал, что буржуазия станет в оппозицию «дворянской диктатуре» и что только столкновение буржуазии «с крепостниками сдвинет с места застоявшуюся политическую жизнь России». По Дану, рост оппозиционности буржуазии создаст «благоприятные условия для революционной инициативы пролетариата и для вовлечения в движение городской и сельской буржуазии и вместе с тем для решения тех задач, которые не решила и не могла решить революция 1905 года».

Мартов против этих положений Дана не возражал. Более того, именно он предлагал отказаться от иллюзий о «всемогуществе» пролетариата и признать, что без союза с буржуазией победить самодержавие нельзя. В буржуазной революции, полагал Мартов, пролетариат «может явиться союзником непролетарских классов, но отнюдь не их руководителем, может в случае победы рассчитывать приобрести долю влияния на государственную власть, но не приобрести диктатуру». Несколько позже Мартов еще более четко сформулировал свой вывод, когда писал, что в 1904–1906 гг. меньшевики не видели для рабочих «иной возможности плодотворного участия в данном кризисе, кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках отгеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов, — содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность». 18 января 1908 г. в письме к П.Б.Аксельроду Мартов опасался, как бы вновь не возникло препятствия между социал-демократической идеологией и пролетариатом, тем более что усилия по политизации рабочих не всегда достигали цели¹⁸.

По мысли Мартова, столыпинский режим отождествлялся с дворянской диктатурой и недостаточно отражал интересы крупной буржуазии¹⁹. Поэтому последняя, считал он, откажет этому режиму в поддержке. Он писал Потресову 4 (17) апреля 1909 г.: «Режим 3-го июня... в большей мере объективно непримирим с интересами буржуазии, чем дооктябрьский режим, ибо более непосредственно и отчетливо выражает сословную диктатуру дворянства, тогда как с 80-х годов старый режим делал бюрократию сравнительно независимой от него и могущей балансировать между дворянством и капиталистической буржуазией... Это не значит, что буржуазия «станет революционной», она станет лишь оппозиционной...» В конфликте между буржуазией и самодержавием, считал Мартов, демократические движения поддержат буржуазию. Будущее партии Мартов предлагал строить с учетом возможного конституционного кризиса в стране²⁰.

Потресов был с ними не согласен²¹. В письме Мартову 15 апреля 1909 г. (Потресов писал об этом и ранее, но в этом письме наиболее обстоятельно) он изложил свою точку зрения. По мнению Потресова, крупная промышленная буржуазия не может быть значительной либеральной силой. «Если мыслима еще у нас «буржуазная» революция, — писал он, — то она мыслима, конечно, при первенствующем участии... других элементов буржуазного общества, при участии средней и мелкой буржуазии, которые будут иметь в своем хвосте крестьянство. Это именно те элементы, которые мы обычно крестим именем буржуазной демократии и на которые возлагалась миссия стоять на страже интересов буржуазного развития в целом. В этом убеждении я продолжаю пребывать и по сей час и думаю, что именно этот конгломерат буржуазных элементов, опять-таки вкупе с пролетариатом, будет вы-

таскивать Россию из тупика в том случае, если России суждено пережить революцию... Но вполне мыслима, по мне, и совершенно другая перспектива — перспектива частичных неревolutionных сдвигов, реформирующих Россию. В последнем случае мы переживем эру приспособления власти к буржуазному развитию и интересам крупной буржуазии. Но и в этом случае нас не ждет эра... либерализма промышленной буржуазии австрийско-прусского образца, и в этом случае возможно, что линия развития либерально-демократического движения пройдет левее и будет находиться в антагонизме к политическому представительству крупной буржуазии»²².

Размышляя о будущем страны, Потресов в рамках марксистского учения пытался выйти за рамки ортодоксальных взглядов на роль буржуазии в революции, подчеркивая главенствующую роль наиболее заинтересованных в развитии капиталистических отношений партий либерально-демократического направления, вероятно, учитывая, что октябристы были самой крупной по численности фракцией (125 чел.) III Государственной думы, а ее представители Н.А.Хомяков (позже — А.И.Гучков и М.В.Родзянко) возглавляли работу парламента²³.

Мартов и Дан видели в антагонизме между буржуазией и властями после 3 июня 1907 г. возможность для дальнейшего развития буржуазной революции, а Потресов был за демократизацию страны без революционных потрясений. Тогда это был теоретический спор, который не мешал им заново организационно строить партию. Дискуссия о роли буржуазии в российской революции имела тогда для спорящих лишь одно последствие: в томе об истории общественного движения в России в начале XX в. были опубликованы статьи Дана и О.А.Ерманского, по-разному трактующих эту проблему. Публикации предшествовала переписка Мартова и Потресова об этом. 2 февраля 1908 г. Мартов сообщал Потресову, что Дан был огорчен тем, что в I-м томе истории общественного движения раздел об оппозиционности буржуазии поручили писать Ерманскому, а не ему. После ознакомления с рукописью статьи Ерманского Мартов выражал с ней несогласие, заявив, что ее следует публиковать с обязательной оговоркой от редакции, иначе ее текст явится «сильным козырем в руках народников и большевиков против нас»²⁴.

Заметим, что наряду с меньшевистской концепцией о решающей роли либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции, которая бы в случае победы позволила пролетариату с большим успехом вести борьбу за социализм, существовали еще точки зрения Ленина и Троцкого. Ленин считал, что революционный процесс в России должен пройти через этап буржуазно-демократической революции, но ее руководителем должен быть пролетариат, выступающий совместно с крестьянством. Рабоче-крестьянская диктатура, по Ленину, избавит страну от остатков средневековья и откроет возможность перехода к социалистическим преобразованиям. В марте 1917 г. он изменил свое мнение, выдвинув идею перехода к социалистической революции, в ходе которой большевики, как он утверждал позже, решили «вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт»... главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы»²⁵.

Троцкий в то время отрицал возможность победы социализма в одной стране, которая являлась слабым звеном мировой капиталистической системы. Позже, обосновывая приход к власти большевиков в России, он писал: «В стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране

капиталистически передовой... Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата»²⁶. Тем не менее, возможность построения социалистического общества в одной стране, без опоры на победоносную мировую пролетарскую революцию, Троцкий всегда отрицал. Известно, что в 1917 г. в России стала реализовываться ленинская концепция социалистической революции, известен ныне и ее результат. Концепция меньшевиков была ближе к программам западноевропейских социал-демократических партий, и ее осуществление во многих странах привело к иным последствиям.

Среди поднимавшихся в то время теоретических вопросов с учетом опыта 1905–1907 гг. Потресов обращал внимание на устарелость, по его мнению, понятия «диктатуры пролетариата», потому что «та «гегемония» пролетариата, которую себе мыслила группа «Освобождение труда», оказалась невозможной. И вряд ли когда-либо окажется возможной в русской буржуазной революции» (письмо Мартову 7 апреля 1908 г.). В примечаниях к письму Мартову 18 ноября 1908 г. Потресов, раздраженный придирками к его статье Плеханова, указывал: «Ответственность за гегемонию несет целиком Плеханов; я берусь доказать, что из его (концепции) начала 90-х годов... с большой легкостью может получиться точка зрения Парвуса. Он никогда не умел вопроса о гегемонии согласовать с вопросом об отношении к другим оппозиционным и революционным элементам. Получалась всегда двойственная картина: чрезвычайная предупредительность по отношению к возможным либеральным союзникам и фактически самая настоящая диктатура социал-демократии в русской революции». Вопрос о «гегемонии пролетариата» был предметом обсуждения между Мартовым и Потресовым и в последующих письмах, хотя оба сходились в убеждении, что в предвоенные годы эта идея утратила свою актуальность²⁷.

Лидеров меньшевизма угнетала эмиграция. За время революции они привыкли быть в центре больших и важных политических событий. Теперь они понимали, что будущее страны решается в России, и думали об изменении тактики партии, форм и методов работы РСДРП. Г.Я.Аронсон писал: «В годы 1908–1914 политическая эмиграция больше, чем в какое-либо другое время, жила отраженным, заемным светом русского общественного оживления: вокруг Государственной думы, вокруг русской легальной печати. Там, в Петербурге и Москве, постепенно, зигзагообразно, преодолевая противоречия нарождающегося конституционализма, шел подъем в области культуры, литературы, общественности, политики, а здесь, в Париже и Женеве, давало о себе знать слабое эхо этого подъема. Но только прислушиваясь к отдаленным раскатам этого эха, политическая эмиграция приобретала силу жизни и находила смысл своему существованию»²⁸.

В России тогда оставался А.Н.Потресов, который и стал центром притяжения для меньшевиков, оставшихся на родине²⁹. Сохранившаяся переписка тех лет Плеханова и Мартова с Аксельродом, Мартова и Потресова, письма Дана, Вольского (Валентинова) и других меньшевиков являются одним из ярких и эмоциональных источников для выяснения послереволюционной обстановки в стране, задач, вставших перед партией, и непростых взаимоотношений лидеров РСДРП. Их объединяла единая программа борьбы с самодержавием. Более того, в мае 1908 г. кадет В.П.Обнинский встретился в Париже с Плехановым и Даном. Обнинский сообщил им о создании в Москве межпартийного кружка, входным билетом для членства в

котором была «непримиримость к существующему правительству». Он предлагал всем оппозиционным партиям объединиться и давать друг другу материалы, компрометирующие правительство. Плеханов и Дан стать членами кружка отказались, но считали возможным создание клуба для обмена мнениями и информацией. Дан в письме Аксельроду (11 мая 1908 г.) писал об этой встрече и условиях участия социал-демократов в «объединенной оппозиции»: это должна быть не организация, а нечто вроде клуба для обмена мнениями, причём его участники не будут брать на себя политических обязательств друг перед другом и меньшинство не будет подчиняться большинству³⁰.

Лидеры меньшевизма пессимистично оценивали происшедшее. 23 января 1908 г. Потресов писал Мартову: «Мы принадлежим... к числу тех, кто обанкротился вместе с революцией». Мартов отвечал ему 13 февраля 1908 г.: «Я именно исхожу из признания, что банкротство революции есть наше банкротство»³¹. Но они по-разному относились к будущему партии: Потресов не верил в возможность сохранения единства РСДРП, Мартов и Дан таковое не исключали, полагая, что критика и разоблачение большевиков-экспроприаторов поможет им в этом.

Будущее партии беспокоило тогда не только то, что произошло после революции в России. По мнению А.А.Богданова, партия находилась в неблагоприятном положении, социал-демократические комитеты бездействовали, партийный центр оказался оторванным от местных организаций, поступающая информация не анализировалась, а принималась весьма избирательно, борьба за единомышленников подменялась борьбой за единомыслие, Большевистский центр не считал нужным отчитываться о финансовых тратах и т.д. По мнению Богданова, местных социал-демократов больше волновало не деление партии на фракции и то, кто из лидеров главнее, а политическая реакция, ухудшение социально-экономического положения, голосование социал-демократической фракции Государственной думы за то, чтобы дети оставались безграмотными (зачем такой «защитник народных интересов» нужен в Думе?)³². Многие социалистические партии после установления третьеиюньского режима находились в кризисном состоянии и искали пути выхода из него.

Биографы Плеханова и Ленина акцентировали внимание на их занятиях в 1908–1909 гг. философскими проблемами марксизма. Причем Плеханов и Ленин сосредоточились тогда в основном на критике ревизионистских и оппортунистических, по их мнению, толкований, которые предлагали в своих книгах социал-демократы В.А.Базаров, А.А.Богданов, Н.В.Валентинов, А.В.Луначарский³³ и др. Плеханов в «Materialismus militans» («Воинствующем материализме», 1908), а Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» (написан осенью 1908 г., издан в 1909 г.) не стеснялись себя в выражениях против отступников от ортодоксального марксизма³⁴. В этих дискуссиях преобладали в то время не столько научные аргументы, сколько политический расчет. В результате произошел раскол в большевистской фракции: Ленин настоял на исключении Богданова из Большевистского центра (1909), а тот, в свою очередь, создал новую партийно-литературную группу «Вперед» (декабрь 1909 г.)³⁵.

Заметим, что Богданов в 1908 г. создал роман-утопию «Красная звезда», в котором подчеркивал важность для борьбы за социализм пролетарской культуры. Он считал, что «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения,

необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом»³⁶. Проблема обновления теории социализма весьма занимала тогда Богданова, и это также стало одной из причин его расхождения с Лениным. М.Горький пытался их примирить и с этой целью пригласил в апреле 1908 г. к себе на Капри Ленина, Базарова, Богданова, Луначарского и М.Н.Покровского. Ленин решительно отверг планы создания нового издательства и новой «энциклопедии для рабочих», заявив, что названные выше деятели занимаются «не общеполитическим делом, а пропагандой особых философских взглядов»³⁷. Отметим, что тогда многие вопросы теории и тактики РСДРП синхронно встали у представителей обеих фракций РСДРП и различное отношение к ним способствовало размежеванию внутри каждой из них.

1908 г. был довольно скандальным для российских социалистов. Партию эсеров потрясло разоблачение руководителя Боевой организации Е.Азефа как сотрудника Департамента полиции с 1893 г.³⁸ Большевики столкнулись с международным осуждением в связи с проведением так называемых «эксов» — экспроприаций для пополнения своей партийной кассы. Стокгольмский (1906), а затем Лондонский (1907) съезды РСДРП приняли резолюции, запрещающие экспроприации. Однако большевистское руководство (Ленин, Богданов, Л.Б.Красин) зачастую предпочитали не обращать на них внимания. В 1907 г. были организованы экспроприации казенных денег на Урале и в Тифлисе. В 1908 г. произошли аресты большевиков, пытавшихся разменять украденные деньги (многие номера на их купюрах были известны полиции), а в Берлине были обнаружены бумага и матрицы для изготовления фальшивых банкнот, причем оказалось, что все это принадлежало большевикам.

Вскоре вскрылась еще одна более чем сомнительная финансовая операция, проведенная руководством большевистской фракции. Она касалась методов борьбы за наследство Н.П.Шмита. Речь шла не только о том, кому должны были достаться около 280 тыс. руб. — ЦК РСДРП (т.е. большевикам и меньшевикам вместе) или только Большевистскому центру, но и о методах, к которым прибегло большевистское руководство, чтобы эти деньги заполучить³⁹. Мартов писал Плеханову 26 октября 1907 г. о том, что Ленин и И.П.Мешковский специально ездили в Вену, чтобы убедить сестер и зятя покойного Шмита дать им расписку в получении Большевистским центром двух третей наследства, обещая за это помощь в его реализации. Мартов возмущался тем, что денежные средства, обещанные РСДРП, хотят захватить одни большевики. «Наши будут ротозеями, если не сумеют раскрыть все это дело», — заключал Мартов⁴⁰.

Подобные действия не способствовали единению российских социал-демократов. Плеханов писал Мартову 9 декабря 1907 г., что дело с разоблачениями большевиков в связи с экспропрированными денежными средствами «так гнусно, что, право, кажется, нам пора разорвать с большевиками»⁴¹. С ним был полностью согласен и Мартов, когда сообщал 13 февраля 1908 г. Потресову, что возлагает на всю эту историю некоторые надежды, так как полагает, что это очень удобная почва для «честного раскола», вполне понятного публике⁴². Эта проблема обсуждалась на январской и декабрьской 1908 г. конференциях РСДРП и в партийной печати. Мартов неизменно выступал с осуждением подобных действий большевиков. По свидетельству его сестры Л.О.Дан (об этом она говорила И.Герцлеру в 1962 г.), Мартов в то время считал, что тифлисскую экспроприацию большевика Камо (с уча-

ствием Сталина) следует использовать для предания Ленина суду II Интернационала и даже исключения из РСДРП⁴³. В свою очередь, выступления Мартова и Дана с осуждением методов действий руководства Большевицкого центра для пополнения своей партийной кассы вызвали оскорбительные высказывания в их адрес со стороны ленинцев.

12 февраля 1908 г. Дан писал Аксельроду о «форменной войне с большевиками», требовавшими от меньшевиков «прикрыть» экспроприаторов. Аксельрод был за сохранение единства партии и ради этого готов был смягчить критику большевиков. В связи с этим он сообщал Р.М.Плехановой 26 февраля 1908 г., что статью Мартова «Не пора ли покончить?», представленную им в первый сдвоенный номер «Голоса социал-демократа», решено было дать без подписи автора и из нее был исключен эпизод с арестом М.М.Литвинова, пытавшегося обменять в Берлине деньги, экспроприированные из тифлисского банка. Мартов писал в названной статье, что внутри партии, которая действительно нуждалась в финансовой поддержке, организовалась бандитская группа, добывавшая деньги методами, отвергнутыми партией. Поэтому, по его мнению, вопрос встал так: «Или партия уничтожит каморру (неаполитанская преступная организация XVI–XIX вв. — *ит.*), отделавшись от всех организаторов, попустителей, укрывателей и подрядчиков экспроприаторской фирмы. Или каморра уничтожит РСДРП либо, по крайней мере, расколется, предварительно заразив разворотом авантюризма»⁴⁴. Мартов возмущался стремлением своих коллег всячески обелить Ленина, не связывая его с экспроприаторами. Он писал П.Б.Аксельроду 17 сентября 1908 г., что эта связь широко известна, поэтому «политика страуса» в данном случае неприемлема⁴⁵.

Данный вопрос периодически возникал в 1908–1911 гг. Характерна полемика по этому поводу между меньшевиками и большевиками, проживавшими тогда в Париже. 18 марта 1908 г. группа меньшевиков на собрании приняла резолюцию, осуждавшую экспроприации и использование в партийных целях полученных таким образом средств. 52 присутствовавших социал-демократа (1 против и 12 воздержавшихся) высказались за всестороннее расследование случаев экспроприации. 29 большевиков и 10 им сочувствующих были не согласны с этой резолюцией, заявляя, что в ней преследуются «узкофракционные интересы», доказывающие «существование за границей фракционного центра, ведущего всю политику в интересах одной фракции, во вред единству и материальным интересам всей партии в целом». Меньшевики с ними не согласились⁴⁶.

3 сентября 1908 г. Мартов писал Аксельроду, негодуя на новые происки лидеров Большевицкого центра, которые обвинили меньшевиков в том, что и они пользовались деньгами, экспропрированными уральскими боевиками, хотя было доказано, что эти средства передали большевикам. Мартов был возмущен тем, что его собирались привлечь к партийному суду за то, что он рассказал правду об экспроприациях и указал на Богданова и Ленина как покровителей Виктора Таратуты, шантажом вымогавшего деньги у наследников Шмита, угрожая при этом своим противникам напустить на них «кавказских боевиков». Мартов писал, что устал от всего этого и считает своей «ошибкой самое номинальное участие в этой разбойничьей шайке»⁴⁷. В 1911 г. Мартов гневно сообщал об этом в брошюре «Спасители или упрямцы?». Иная трактовка событий была столь же эмоционально изложена Л.Б.Каменевым в брошюре «Две партии», вышедшей с предисловием Ленина⁴⁸. Метод пополнения большевистской кассы с помощью шантажа и экспроприаций

был одним из раздражителей лидеров меньшевиков и также не способствовал объединению двух фракций.

Меньшевики в то время пытались заняться созидательной работой по собиранию своих единомышленников. Они стали выпускать свою газету «Голос социал-демократа» и готовить к изданию пятитомник (реально были изданы шесть книг) о развитии общественной мысли и общественного движения в России в начале XX в. Но и у них возникшие разногласия при оценке прошлого социал-демократии привели к острым конфликтам между Плехановым и Потресовым, которого поддержали Мартов и Аксельрод.

Письма Мартова и Потресова конца 1907–1908 гг. полны пессимизма. Мартов тогда писал Потресову о важности издания журнала и «большой газеты» и поисках их финансирования. Потресов, отвечая Мартову 16 ноября 1907 г., подчеркивал, что периодические издания необходимы, чтобы «собрать публику», поскольку они будут «единственным выражением нашего течения»⁴⁹. В то же время Мартов писал Аксельроду (26 октября 1907 г.), что «дела наши в России из рук вон скверны и деморализованные Лондоном (имеется в виду V съезд РСДРП. — И.У.) меньшевики до сих пор остаются в положении аморфной массы». Мартов считал, что без «прочного литературного центра меньшинство, как фракция, исчезнет». Он сообщал Аксельроду 13 января 1908 г., что партия перестала существовать «как нечто организованное»⁵⁰. Аксельрод же, в свою очередь, полагал (13 января 1908 г.), что «русская социал-демократия и революционное движение вообще переживают теперь критический момент, а может быть, и целый период». Задачи перед партией на современном этапе, по его мнению, стояли более крупные, чем в свое время перед группой «Освобождение труда» или редакцией «Искры». Поэтому он видел необходимость привлечения в организацию представителей подрастающего поколения революционеров, которое поможет избавиться партии от традиционных кустарнических методов работы⁵¹.

Столь же неутешительны были и выводы Дана. В письме Аксельроду 12 (25) ноября 1907 г. он писал, что ничего хорошего сообщить не может, поскольку «меньшевиков как сколько-нибудь организованного целого в партии совершенно нет». Дан оставался сторонником формального единства партии, несмотря на призыв Аксельрода и Потресова отойти от большевиков в связи с их склонностью к экспроприациям и неблагоприятным нравственным поступкам. Дан давал очень нелестную характеристику ситуации в меньшевистской фракции (6 декабря 1907 г.), сообщая Аксельроду, что «меньшевизма как организации теперь попросту в России нет и собрать его снова механическим путем невозможно». Дан считал, что меньшевиков нужно опять собирать при помощи издания научно-теоретической литературы, перед которой стала бы задача дать анализ прошедшей революции и определиться в новых условиях⁵².

Подобным образом оценивал сложившуюся обстановку и Потресов, когда писал Г.В.Плеханову (11 октября 1907 г.), что он «в ужасе» от того, что увидел в Петербурге: «организация развалилась, касса пуста, публика разбежалась и мечется в поисках заработка...» В письме Аксельроду (16–29 октября 1907 г.) Потресов характеризовал ситуацию еще более резко: «У нас полный распад и совершенная деморализация... Нет не то что организации, но даже элементов для нее... Я не говорю уже об организации, а о направлении меньшевизма, о меньшевизме как идейном течении. И здесь дело обстоит плохо». Потресов видел путь к исправ-

лению положения в создании «какого-нибудь большого литературного органа»⁵³. Мрачно была настроена и Засулич в письме Мартову (март–апрель 1908 г.), характеризую настроение петербургских меньшевиков как упадническое⁵⁴. Так же думал и А.С.Мартынов, когда в 1908 г. писал Плеханову: «Партия наша находится в таком состоянии, в каком обыкновенно бывают революционные партии после разгрома революционного движения — в состоянии полного упадка». Он считал, что у большевиков дела были лучше, чем у меньшевиков, но и у них «наблюдается повальное бегство из организации. Что касается меньшевиков, то это бегство ничем не удерживается»⁵⁵. В.А.Гуковский (Е.Маевский) писал 3 ноября 1911 г. Аксельроду о «стремительном и неудержимом процессе развала» меньшевистских подпольных организаций после 1906 г., который (развал) «с удивительной яркостью подчеркнул» серьезное значение для социал-демократического движения «дореволюционного пассивного (а частью и активного) сочувствия... буржуазного общества». Этот процесс развала показал также, продолжал Гуковский, «в какой еще слабой степени развития находится самодеятельность наших рабочих. Исчезла буржуазная сочувственная среда, произошел отход интеллигенции, — и рабочая самодеятельность не в состоянии оказалась спасти от крушения старые подпольные организации, а тем более приспособить их к новым условиям борьбы за расширение всяческих легальных и открытых возможностей»⁵⁶.

Заметим, что выводы меньшевистского руководства о тяжелом положении фракции в 1908 г. совпадали и с заключениями, данными на основе донесений своих агентов царской охранкой. Московское охранное отделение характеризовало положение в РСДРП так: к концу 1908 г. меньшевики в России не имели никаких организаций, они были уничтожены репрессиями или эмигрировали. Большевики же сохранили часть своих организаций⁵⁷. Среди исследователей существует, по сути, единое мнение о положении во фракциях РСДРП в ту пору. Дан, в 1920-е гг. решивший хронологически продолжить начатую Мартовым историю РСДРП, отмечал, что «в то время как большевистская часть партии превращалась в боевые фаланги, скрепленные железной дисциплиной и единой волей, ее меньшевистскую часть все больше охватывали разобщенность и безразличие». Британский историк Л.Шапиро полагал, что в 1908–1912 гг. Ленин «мог продолжить свое дело. Меньшевики же были вынуждены пересматривать весь смысл своего существования». Ему вторили российские исследователи С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев, отмечая, что в то время «большевики отступили с наименьшими потерями для своих рядов». Отличается от них мнение Мартова, писавшего Потресову 9 (22) ноября 1909 г., что положение меньшевиков по сравнению с большевиками «просто блестяще, хотя бы потому, что у нас даже Плеханов не смог внести смуты и расстройств, которые у них удалось внести Богданову и К^о»⁵⁸.

Б.И.Николаевский обращал внимание на конфликтную ситуацию в большевистской фракции, подчеркивая, что в 1908 г. Ленин всячески пытался отмежеваться от Богданова и Красина, чтобы возложить на них вину за проведенные экспроприации и сохранить свою власть лидера фракции⁵⁹. Заметим, что в 1908 г. и позже вопрос о лидерстве в РСДРП как единой партии поднимался редко. Предметом обсуждения становились лидерство в каждой фракции и требования их руководителями заведомо неприемлемых условий для возможного объединения.

Перед фракциями РСДРП в 1908 г. встали задачи организационного оформления и выработки тактики действий в постреволюционных условиях. Необходимость их

безотлагательного решения вызывалась очередным кризисом в РСДРП, когда в связи с появлением во фракциях различных течений возник вопрос не столько о единстве партии в целом, сколько об удержании целостности каждой фракции в отдельности.

О расколе меньшевистской фракции в 1908 г. писали многие историки. А.И.Степанов и А.И.Уткин выделяли четыре основных направления, по которым стали объединяться члены этой фракции: ортодоксы — меньшевики-партийцы во главе с Плехановым; правые — меньшевики-«ликвидаторы»; центристы и левые — меньшевики-примиренцы⁶⁰. Это разделение было в значительной степени условным, так как исходило из взглядов отдельных групп меньшевиков на проблему организационного строения партии и методов ее деятельности в определенных социально-политических условиях. «Партийный», или «революционный», меньшевизм появился в 1908 г. Тогда группа сторонников Плеханова — М.Л.Вельтман (Павлович), двоюродный брат Мартова Ф.И.Цедербаум, а также будущие большевики В.П.Затонский, Я.Д.Зевин, И.Д.Чугурин, Г.И.Чудновский и др. — выступила в защиту нелегальных методов работы РСДРП. Плеханов в то время считал, что обе фракции должны избавиться от оппортунистов: «ликвидаторов» у меньшевиков, «отзовистов» и «ультиматистов» — у большевиков. Такое «очищение», по его мнению, способствовало бы возрождению партии, «сделало бы ее способной с честью выполнить свою ближайшую историческую миссию: руководство («гегемония»!) всеми живыми общественными силами в их более или менее близком, но неизбежном столкновении с торжествующей теперь реакцией»⁶¹. Николаевский, говоря о борьбе Плеханова с «ликвидаторством», подчеркивал ее важность для Ленина, для обслуживания его внутрипартийной стратегии, для утверждения преданности прежней нелегальной организации. По его мнению, «ликвидаторы» «имели огромные заслуги перед рабочим движением», потому что в тяжелые годы реакции они «несли на своих плечах основное бремя работы в открытых рабочих организациях». Основной недостаток в их деятельности он видел в игнорировании работы среди крестьянства⁶².

Высоко оценивал роль «ликвидаторов» и Аксельрод, когда заявлял (1911), что «действительными разрушителями и ликвидаторами партии являются «партийцы», а те, которых они стараются дискредитировать кличкой «ликвидаторы», в действительности являются ее спасителями». Он по-прежнему рассчитывал на созыв рабочего съезда, который «сможет окончательно и бесповоротно ввести наше движение в широкое русло международной социал-демократии и послужит исходным пунктом вступления русского пролетариата в эпоху его социально-политического совершеннолетия и действительного самостоятельного классового движения»⁶³.

Позиция Плеханова вызвала резкую критику Мартова, Дана и особенно Потресова. Для последнего негативные высказывания в адрес Плеханова были вызваны еще и испортившимися личными отношениями, связанными с изданием статьи Потресова в первом томе «Общественного движения в России в начале XX века» (1909). Яростная полемика между Плехановым и Потресовым по поводу оценки прошлого РСДРП, в частности роли группы «Освобождение труда», развернулась в 1908 г., а дискуссии между лидерами меньшевистской эмиграции и Плехановым в отношении организационного строения партии и ее тактики в условиях спада революционного движения в стране шли в 1909–1910 гг.

Вопрос о том, кто первым воспользовался термином «ликвидаторы, легалисты», остается достаточно спорным. Утверждение С.В.Тютюкина о том, что термин «ликвидаторство» впервые появился на страницах газеты «Социал-демократ», где один из большевиков написал, что Ф.А.Череванин в книге «Пролетариат в революции» занялся «идейным ликвидаторством» социал-демократии, возложив на нее ответственность за неудачу революции, нуждается в уточнении. Мартов в письме Потресову (6 ноября 1911 г.) отмечал, что Ленин и Плеханов хвалили Череванина за то, что он в брошюре «Лондонский съезд 1907 г.» (СПб., 1907) впервые произнес слово «ликвидаторы» и обратил на него внимание «как на вредное течение в меньшевизме»⁶⁴. Этот термин был взят на вооружение большевистской пропагандой, Плехановым и широко использовался для дискредитации меньшевизма⁶⁵. Под ним большевики понимали отказ части социал-демократов заниматься преимущественно нелегальной деятельностью. Ленин стал отождествлять это понятие со всеми меньшевиками, за исключением меньшевиков-партийцев Плеханова, и писал об этом категорично и резко: «Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной, социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП»⁶⁶. Подобные высказывания можно объяснить лишь той межфракционной борьбой, которая не прекращалась в те годы между лидерами большевиков и меньшевиков, а также негативным отношением Ленина к тем, кто считал необходимым партию реформировать.

Конспирация, централизация власти в руках лидера фракции или группы вождей — это были старые испытанные методы работы подпольных, нелегальных кружков. Испытание свободной в ходе Первой российской революции, легальная работа во многих созданных тогда открытых рабочих организациях заставили отдельных социал-демократов задуматься об изменении тактики партии, необходимости готовиться не к заговору, вооруженным выступлениям, а к широкой агитационно-пропагандистской, организаторской работе среди рабочих. К этому их подвигали опыт западноевропейских социал-демократов, участвовавшие нарушения нравственных норм поведения однопартийцев, выразившиеся в экспроприациях, недопустимых финансовых комбинациях, аморальных поступках и т.д. Этому способствовало и желание многих лидеров меньшевизма разорвать центристские путы, которыми они были связаны с большевиками пребыванием в единой РСДРП, где руководящие органы партии после V съезда (1907) находились в руках Ленина и его единомышленников⁶⁷.

Наиболее активными сторонниками легальных форм работы социал-демократов были Аксельрод и Потресов. Аксельрод еще в 1905 г. предложил идею созыва рабочего съезда в России как начала превращения РСДРП в массовую легальную рабочую организацию. Тогда же и Потресов стал заявлять о необходимости преобразования РСДРП из организации преимущественно радикальной интеллигенции в действительно пролетарскую партию. С.В.Тютюкин прав, отмечая, что «ликвидаторство» не было единым течением. Среди его представителей были те, кто отрекались от партийного подполья, но были и другие, признающие предпочтительность работы в легальных организациях по сравнению с нелегальными, делающие акцент на участии в профсоюзной, кооперативной и открытой журналистской деятельности⁶⁸.

Ленин и Плеханов весьма критически относились к «ликвидаторству» и его представителям. Аксельрод, Дан, Мартов и Потресов посвятили статьи развитию этого течения, в которых никак не отрицали права на существование идеи рефор-

мирования партии и выбор приоритетной тактики ее деятельности сообразно созданным условиям⁶⁹. В ответ на сомнения Мартова о том, не вызовет ли борьба за легализацию рабочей партии определенный индифферентизм к политике (письмо Потресову 4 июня 1909 г.), Потресов ответил, что «нельзя себе сделать фетиша ни из легальных, ни из нелегальных организаций и только практика жизни может показать, какое место каждая из этих разновидностей будет занимать в движении. Возможно, что подполье сыграет еще большую роль (неизвестно только, хорошую ли) у нас, чем мы думаем, но это не значит, что надо «терять вкус» к легальным возможностям... Только в результате усиления всех видов работы можно будет говорить о их координировании и вообще строить какие-либо планы» (письмо Мартову 13 июля 1909 г.)⁷⁰.

Вероятно, наиболее актуальной проблемой 1908 г. оставалась идея объединения меньшевиков, несмотря на начавшееся дробление фракции на различные течения. С чего начать было ясно, ведь в памяти еще свежо было воспоминание об «Искре», объединившей в начале XX в. значительную часть социал-демократов. Труднее было с решением вопроса о том, какой должна быть партия в постреволюционных условиях, каковы должны быть ее тактика и программа действий. Именно эта проблема стала центральной во время январской (1908) конференции меньшевиков в Женеве. Эта «маленькая конференция», как назвал ее Аксельрод, собралась с целью определения ближайших задач партии. В ее работе приняли участие Аксельрод, Ф.И. и Л.О.Дан, Мартов, Мартынов, О.В.Аптекман, М.Ф.Назарьев, А.К.Пайкес, М.С.Зборовский, В.Тевзия и др. Плеханов из-за болезни отсутствовал, но напутствовал Аксельрода заявлением, что нужно дискредитировать большевизм и собрать «рассыпавшуюся храмину меньшевизма в России».

Аксельрод информировал Плеханова о дебатах на конференции, где Дан выступал за сохранение единства РСДРП, а Мартов — за размежевание фракций. Дан предлагал активизировать работу меньшевиков в подпольных организациях. Мартов же к этой идее отнесся отрицательно. Руководство фракции понимало необходимость издания меньшевистской газеты или журнала. Аксельрод писал Плеханову (10 января 1908 г.), что критически относится к планам возобновления издания «Искры», полагая целесообразным начать с издания журнала, в котором основное внимание было бы уделено «кардинальным вопросам нашей общественной жизни». Конференция приняла решение об издании журнала «Голос социал-демократа». Вначале предполагалось, что он будет выходить с подзаголовком «Орган русских меньшевиков», но по настоянию Плеханова от этой идеи отказались. Не было принято и предложение Н.Н.Жордания издавать газету от имени Кавказского областного комитета РСДРП⁷¹.

Аксельрод подробно информировал Плеханова о работе конференции (2 февраля 1908 г.). Он был недоволен призывом Дана сохранить единство партии во имя ее престижа и его тактикой «приспособления к подлости» ради этого единства. Аксельрод говорил о своей солидарности с позицией Мартова, который негативно отнесся к воскрешению нелегальных форм деятельности РСДРП. Аксельрод предлагал российской социал-демократии возродиться на теоретическом базисе марксизма, и этой задаче должна была быть подчинена тактика и реформаторов партии, и революционеров. Он писал Плеханову о тяжелом положении в партии и подчеркивал, что «нам в интересах социал-демократии и всего рабочего движения уже никоим образом нельзя всецело, неразрывно связывать судьбу... с партией как

таковой, что, не выходя из нее пока и не провозглашая ее обреченной на гибель, мы должны, однако, считаться с такой перспективой и не солидаризовать нашего дальнейшего движения с ее судьбой. Быть может, она так дискредитирует себя, что действительным социал-демократам придется организовываться под названием партии коммунистов. Но пока наше направление еще очень слабо представлено в движении и пока шансы на оздоровление партии еще не совсем безнадежны, мы должны использовать их и своей последовательной критикой ее отрицательных сторон дискредитировать «большевизм» и шаткие или беспринципные элементы «меньшевиков», чтобы настоящими наследниками и хозяевами «старой фирмы» могли явиться действительно марксисты и наиболее сознательные элементы пролетариата»⁷². Вряд ли из этого высказывания Аксельрода можно сделать вывод о возможности сохранения партии в прежнем виде⁷³. Речь шла о реформировании партии, изменении ее тактики в новых условиях, когда экспроприации для финансирования РСДРП скомпрометировали ее действия, а нелегальное существование вело к потере авторитета среди населения.

По решению конференции Дан написал объявление об издании «Голоса социал-демократа», но Аксельрод подверг его редактированию⁷⁴. Дан писал Плеханову о конференции несколько по-иному. Он подчеркивал, что «вопросом, спор по которому красной нитью проходил по всем дебатам, был вопрос об отношении к партии. Он встал в первый же день и сначала очень резко. Одна сторона (Мартынов) стояла на строгой «партийности», на прямых призывах «Назад в партию!», другая (Мартов) полагала нужным с самого начала поставить себя во враждебное отношение к партии как к исторически сложившейся организации. В результате сошлись на компромиссе, на «средней линии»: не предрешая вопроса об отношении к партийной организации и ее судьбе, главное внимание направить на выполнение положительных задач...» Через месяц Дан в письме разъяснял Плеханову, что, по его мнению, нельзя строить партию вокруг заграничного центра, как это делает Ленин, а следует объединять рабочих на местах, «отнюдь не становясь непосредственным центром притяжения нового поколения профессиональных революционеров»⁷⁵.

Компромиссное решение конференции выдавало сомнения части лидеров меньшевизма в необходимости следовать традиционному строению и деятельности партии. Мартов накануне этой конференции (18 января 1908 г.) писал Аксельроду, что разделяет его мнение о ненужности реставрации «Искры», ибо вокруг этого заграничного органа вновь соберется «интеллигентная толпа профессионалов», представителей, «несомненно, вымирающей породы» и газета будет проникнута их интересами «в то время, как жизнь пролетариата будет развиваться по другому руслу». Он предлагал издавать газету в Женеве, а журнал в Петербурге, которые влияли бы на новое поколение рабочих и интеллигентов⁷⁶.

26 февраля 1908 г. Аксельрод писал Р.М.Плехановой об обсуждении материалов первого сдвоенного номера «Голоса социал-демократа» и о том, что ЦК РСДРП рассылает приглашения на общепартийную конференцию. Аксельрод предлагал это предложение дискредитировать, заявив, что меньшевики не могут быть ее участниками, так как она финансируется «награбленными деньгами». Вместе с тем, Аксельрод считал, что бойкотировать предстоящую конференцию не следует и окончательное решение следует обсудить⁷⁷. Одновременно с идеей созвать летом 1908 г. конференцию с приглашением меньшевиков-практиков из России, некото-

рых депутатов Государственной думы и редакции «Голоса социал-демократа» выступил Б.И.Гольдман (Горев), но она не состоялась⁷⁸.

В начале июня 1908 г. Ленин понял, что собрать общепартийную конференцию летом ему не удастся. Пленум ЦК РСДРП (11–13 августа 1908 г.) перенес ее созыв на конец года. В то время ЦК РСДРП, избранный на V съезде партии, работал крайне неэффективно. Большевик член ЦК Н.А.Рожков был арестован в апреле 1908 г., а незадолго до этого член ЦК меньшевик М.И.Бройдо вышел из его состава, не согласившись с ходом расследования участия большевиков в экспроприациях. Позже он по настоянию своих коллег по фракции вернулся для работы в ЦК, но занимался помощью думским социал-демократам. С апреля по осень 1908 г. ЦК фактически не функционировал⁷⁹.

Первый послереволюционный год заставил глубоко задуматься все слои российской интеллигенции и функционировавшие тогда политические партии над главным вопросом: что делать дальше? Ответы были разными, но выработку тактики РСДРП той поры нельзя изучать изолированно от идейных метаний радикальной интеллигенции, вынужденной расстаться со многими мифами революционной поры⁸⁰.

Бывшие «легальные марксисты» и либералы Н.А.Бердяев, П.Б.Струве и другие издали сборник статей «Вехи» (1909). В конце XIX в. Ленин и Струве выступали в книгах под одной обложкой, теперь их пути решительно разошлись. Меньшевики отреагировали на многие поставленные тогда перед обществом вопросы созданием фундаментального многотомного труда «Общественное движение в России в начале XX века»⁸¹, авторы которого дали анализ предпосылок и причин революции, изменений в обществе в результате событий 1905–1907 гг., различных форм протестного движения разных слоев населения, роли в революции политических партий, выступлений на национальной почве и т.д.

Отношение к этому изданию до сих пор разное. В соответствии с высказываниями Ленина советская историография относилась к нему негативно, большинство зарубежных историков – положительно. Л.Шапиро, например, назвал эту публикацию «самым трезвым и объективным марксистским анализом общественного и политического движения в России, когда-либо сделанным в этой стране». Для Тютюкина – «это типичная история современности, написанная в основном по газетно-журнальным материалам и личным впечатлениям авторов, недавно переживших бурные события 1905–1907 гг.». Он отмечал отсутствие в томах архивных документов, превалирование фактографии над анализом, предварительность отдельных выводов, но признал важность содержащегося в них фактического материала⁸². Думается, что это издание – не «типичная история», ибо подобных ей в то время больше не было. Здесь были представлены разные авторы, и написанное ими отражает всю палитру взглядов на пережитое и на уже имеющиеся публикации по данной проблематике.

Что касается качества исполнения отдельных статей, то оно действительно различно, как и тот след, который они оставили в историографии. 10 февраля 1907 г. Мартов сообщил Плеханову о предложении издателя Глаголева «составить книгу, посвященную истории русской социал-демократии (преимущественно со стороны развития идей)». 3 марта 1907 г. он вновь возвращался к этой теме, считая, что Плеханов может написать вводную главу⁸³. Первоначально в авторский коллектив вошли Мартов, Маслов, Плеханов и Потресов. Инициатором создания

этого труда последний называл Маслова. 27 января 1908 г. он писал Аксельроду, что Маслов задумал пятитомное издание «Общественное движение в России в начале XX века», и предлагал Аксельроду участвовать в нем, «написав (для V тома) — рядом с Плехановым — общую, выводную, подытоживающую материал и дающую общее освещение статью»⁸⁴. Аксельрод статьи не написал, как не было по ряду обстоятельств завершено и издание задуманного многотомника в целом.

Мартов сначала воспринял «масловское предприятие» как «отрадное явление: оно и подкормиться даст, и подвести итоги, собрать материал поможет» (из письма Потресову 14 января 1908 г.). Позже, после обсуждения проспекта издания и кандидатур авторов с Потресовым, он согласился с ним, что «лучшее использование времени реакции — это... серьезная работа исследования» (10 марта 1908 г.). Потресов был уверен, что ортодоксия изжила себя и нужно при написании статей для многотомника, защищая марксизм, «выпрыгнуть из привычного круга вопросов», заняться экономикой, историей, «ответить детально и обстоятельно на вопрос о том, почему мистика делает успехи в России за последнее десятилетие, каков общественный смысл литературной «революции» и т.д.» Он считал, что Плеханов с «его монизмом был публицистом для своего времени» и уже не может ответить на многие вопросы «искровского периода». Потресов выступал за создание статей «широкого идейного течения», которые бы заинтересовали публику и рабочих (из письма Мартову 3 марта 1908 г.)⁸⁵.

Среди членов редакции многотомника только Потресов тогда проживал в России (в Петербурге), и именно на него легла основная организационная работа по изданию томов: их редактирование, связь с издателем и типографией, рассылка гонораров, авторских экземпляров и т.д. Уже при подготовке первого тома в редакции возник конфликт: Плеханов выступил против публикации статьи Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху»⁸⁶. За ее публикацию высказались Аксельрод, Мартов, Дан и другие. В ответ Плеханов вышел из состава редколлегии многотомника, а затем порвал с руководством меньшевизма, создав группу меньшевиков-партийцев. Об этом конфликте писали практически все исследователи биографии Плеханова и истории меньшевизма, но это не помешало Тютюкину сделать вывод о том, что данная тема могла бы стать проблемой специального исследования, до сих пор отсутствующего в отечественной и зарубежной историографии⁸⁷.

Наиболее полно об этом конфликте сообщил Николаевский в биографическом очерке о Потресове. Внешнюю сторону конфликта он видел в предложении Плеханова переделать статью Потресова или отложить ее до второго тома, так как в представленном виде ее публиковать нельзя. Николаевский, анализируя переписку Плеханова с Аксельродом и Мартовым, а также Мартова с Потресовым, в начале приходил к выводу, что в принципе плехановская критика была Потресовым воспринята, и многим (но не Плеханову) казалось, что конфликт ликвидирован. Николаевский считал, что мотивы поведения Плеханова в этом конфликте труднообъяснимы, хотя ясно, что у него было чувство личной обиды на Потресова, который недостаточно высоко оценил его роль в «эволюции общественно-политической мысли». При этом Николаевский ссылаясь на письмо Р.М.Плехановой Аксельроду. Оно было написано в ответ на несогласие Аксельрода с мнением Плеханова о статье Потресова. Р.М.Плеханова была всецело на стороне мужа и объясняла, почему он против публикации, заявляя, что «статья Потресова не только бесталанна, но и

вредна... вредна тем, что сводит если не на нуль, то на очень ничтожную величину влияние революционного марксизма в лице деятельности группы «Освобождение труда» и того подпольного, нелегального течения, которое было и создано и действовало с успехом до появления Струве и К°, т.е. легального марксизма. Эти десять лет труда, борьбы, самопожертвования сводят если не на нет, то к чему-то незначительному. Оставить это так те, которые видят это и которым дорог революционный марксизм и первые годы борьбы за него, не могут». Николаевский вспоминал свои разговоры с Потресовым много позже этих событий, когда тот неоднократно подчеркивал, что подобных намерений у него не было, что личные заслуги Плеханова он оценивал высоко, но полагал, что не все положения группы «Освобождение труда» выдержали испытание временем. Так, Потресов считал ошибочным тезис о «гегемонии» пролетариата в русском освободительном движении. Николаевский заключал: «каковы бы ни были действительные мотивы поведения Плеханова, его выступление против меньшевиков было тяжелым ударом и лично для А.Н. (Потресова), который на несколько лет стал объектом настоящей травли, и для всего меньшевизма»⁸⁸. С этим выводом нельзя не согласиться. Заметим лишь, что, к чести Потресова, он не затаил обиды на Плеханова, выступил на траурном митинге в день его похорон (9 июня 1918 г.) в Петрограде, а затем тогда же в статье о нем высоко оценил его роль в общественно-политической жизни страны⁸⁹.

Николаевский и другие исследователи рассматривали конфликт Плеханова с редакцией многотомника как один из эпизодов внутрипартийной жизни меньшевизма той поры. Хронологически последовательный анализ переписки лидеров меньшевизма того времени помогает полнее и глубже представить весь драматизм возникшей тогда ситуации. Плеханов с самого начала работы в редакции многотомника заявил о себе как требовательном редакторе. К тому же, видимо, он полагал, что его мнение имеет большое, если не первенствующее, значение и к нему следует не только прислушиваться, но и выполнять его замечания. 29 июля 1908 г. он писал Мартову, что статью Горна (В.Г.Громана) следует переделать, а если этого сделано не будет, то лучше ее не публиковать. В статье Горна он усмотрел «капитуляцию перед народничеством и ни одной собственной идейки!» Мартов с ним согласился и сообщил Потресову 6 августа 1908 г., что статьи Громана и З.С.Стенцеля (Ленского) нуждаются в переделке, указав на необходимость их сокращения, редактирования и важность обобщающих выводов⁹⁰.

5 октября 1908 г. Плеханов сообщал Аксельроду и Мартынову, что получил статью Потресова, но без окончания, и заключал: «По-моему, статья так себе. Покажите ее Павлу (Аксельроду) и пусть он напишет Потресову, который на странице 67–69 приписал мне и ему 2 разных «концепции». А мы всегда были согласны». Мартов писал Потресову 6 октября 1908 г., что Плеханов задержал его рукопись, но теперь она ему отправлена. Он сообщал о замечаниях Плеханова, которые касались его «разногласий» с Аксельродом, которых не было, и редакционных заметках. Мартов просил Потресова отнестись к этим замечаниям внимательно. Он, наверное, знал о негативной реакции Аксельрода по поводу приписанных ему разногласий с Плехановым. 11 октября 1908 г. Аксельрод писал Потресову по просьбе Плеханова, что у них была одна концепция при определении роли буржуазии в освободительном движении, но, в отличие от своего друга, назвал написанное Потресовым «очень интересной первой главой». В тот же день, 11 октября, Потресов сообщал Мартову, что его рукопись послана не ему, а Мартынову,

что Плеханов не ответил на его деловое письмо и снова обращаться к нему он не считает возможным. Потресов просил Мартова узнать у Плеханова, пришлет ли он свою статью в многотомник. Мартов отвечал ему по получении письма, 15 октября, что рукопись статьи была послана Мартынову, чтобы он определился, о чем будет писать для 2-го тома. Задержал статью «неаккуратный Плеханов», который не отвечает на запросы до тех пор, когда его собственная статья будет готова.

25 октября 1908 г. Плеханов сообщал Мартову, что прочитал конец статьи Потресова и сделал два частных замечания, которые можно учесть. Но, по его мнению, главный недостаток написанного Потресовым состоит в том, что он подробно излагает, как Струве и компания критиковали «ортодоксию, но не считает нужным сказать, что же собственно возражали ортодоксы». Плеханов отмечал, что «в этом 5-томнике как бы исповедь наша, и исповедоваться на манер А.Н. (Потресова) нам нельзя». Он предлагал автору переделать статью с тем, чтобы она не выглядела написанной с точки зрения Струве и «легальных марксистов».

Мартов в письме Потресову 28 октября 1908 г. прокомментировал эти замечания Плеханова, советуя подчеркнуть в статье «общенациональное единство Струве под буржуазным флагом (подобно тому, как «Искра» его мыслила под флагом социал-демократии)». По поводу главного упрека Плеханова Мартов вместе с Даном сообщили Потресову и Плеханову, что разделить его не могут. Мартов советовал Потресову несколько уменьшить внимание к статьям Струве и подробнее рассказать об ортодоксах, которые выступали против Бернштейна и Струве.

1 ноября 1908 г. датированы письма Плеханова и Потресова Мартову. Плеханов продолжал настаивать на радикальной переделке статьи Потресова и заключал: «В таком виде, какой имеет эта работа теперь, она не только не полезна, а прямо вредна, и я, по совести, не могу пойти здесь рядом с А.Н. (Потресовым). Напротив, мне придется спорить с ним». Потресов считал нападки Плеханова на статью «инсинуацией против него» и ставил вопрос о дальнейшей совместной с ним работе. Он признал редакционную правку (не в том месте процитировал Плеханова), но аргументировал свое внимание к Струве тем, что в то время (конец XIX — начало XX в. — *И.У.*) тот был центральной фигурой «процесса эволюции буржуазной демократии». 5 ноября 1908 г. Потресов сообщил Мартову, что считает дальнейшие переговоры с Плехановым излишними, а «его способ трактования статьи и все отношение вообще — непристойностью. Я очень жалею, что теперь уже поздно взять свою статью обратно из пятитомника, а это я охотно бы сделал во избежание дальнейшей канители... Этой канителью я сыт по горло. С меня довольно!..» Потресов разъяснял Мартову цель своей статьи и непонимание того, что же еще хочет от него Плеханов. Он отмечал, что его глава посвящена не «изложению взглядов критиков», а «намечению... тех вех, по которым шел путь развития буржуазно-демократической мысли «от марксизма к идеализму», что он подробно передает содержание работы Плеханова «Критика наших критиков», а также ссылается на произведения Засулич и Л.И. Аксельрод (Ортодокс). Поэтому вопрос о расширении статьи, поставленный Плехановым, заключал он, «приобретает какой-то ничемный и неуместный характер».

8 ноября 1908 г. Плеханов сообщал Мартову, что ознакомился с последней частью статьи Потресова, которая, по его мнению, не только не исправляла предыдущие недостатки, но дополнила их. Плеханов писал, что у него с Потресовым разные взгляды на значение идеологий вообще и социалистической теории в истории

общественного развития, а потому вместе с ним в одном издании он участвовать не может. Мартов еще не знал об этом заключении Плеханова, когда 9 ноября 1908 г. сообщал Потресову, что вполне удовлетворен концовкой его статьи, где «позиция ортодоксов... изложена с достаточной полнотой». Поэтому он полагал, что это удовлетворит Плеханова и можно будет считать инцидент исчерпанным. Но это мнение было разрушено полученным письмом от Плеханова. 12 ноября Мартов писал Потресову об отказе Плеханова участвовать в издании многотомника. Мартов сообщал, что написал Плеханову большое письмо, «в котором изложил все, что думал о морали сей истории, кроме разве того, что он вел себя во всем этом деле, как свинья... Я указал, что раз он ставит вопрос на почву того, что совесть ему не позволяет участвовать в пятитомнике, где будет Ваша статья, против которой мы ничего не можем сказать, а он сам не может формулировать определенно, — то я отказываюсь от дальнейших увещаний». Мартов выразил надежду на «философское» отношение Потресова к этому инциденту, полагая, что тут дело не только в капризе или личном предубеждении Плеханова, а и в его «глубоком заблуждении относительно действительных успехов действительного социализма в действительной русской жизни (а не в мире интеллигентской аристократии духа), и, не умея еще формулировать смутное ощущение протеста против взглядов, которые мне, например, кажутся вполне естественными...» Мартов назвал произошедшее трагикомедией и выразил надежду на раскаяние Плеханова, учитывая его характер, но приписал в конце письма, что Плеханов может уйти и из «Голоса социал-демократа». «В конечном счете жаль и его самого. Очевидно, здесь все-таки какая-то неизлечимая «болезнь великого человека»⁹¹.

Решение Плеханова отказаться «помещать свои работы рядом со статьями Потресова» Аксельрод назвал преждевременным. В письме к Плеханову (середина ноября 1908 г.) он утверждал, что это «может вредно отразиться на и без того незавидном положении марксистского или, если хочешь, ортодоксально социально-демократического ядра в нашей партии». Он предлагал исправить положение, предложив Потресову другую тему статьи, а эту предоставив Мартову. Но Аксельрод не усмотрел в статье Потресова «поворота к струвизму»⁹². Отметим, что этот инцидент имел своим последствием определенную нервозность в работе редколлегии многотомника, отношениях редакторов между собой и т.д. Так, 14 ноября 1908 г. в письме Мартову Потресов выражал свое удивление и возмущение присланным ему предисловием, в котором появление во втором томе статьи Мартынова объявлялось «дефективностью его работы». Потресов заявлял, что, если предисловие не будет изменено, он забирает свою статью и выходит из работы над многотомником. Мартов тогда же послал телеграмму Потресову с согласием изменить текст предисловия и просил считать это недоразумением. Он просил Потресова сохранить хладнокровие и продолжать работу. 24 ноября 1908 г. Мартов сообщал Потресову, что у него «переписка с Плехановым прервалась, а на вопрос Дана, в чем, собственно, он несогласен с Вами, Плеханов прислал ультиматум: «если меньшевизм не хочет отмежеваться от Старовера (Потресова), я выступаю против меньшевизма, для чего возобновляю «Дневник» (имеется в виду плехановский «Дневник социал-демократа». — И.У.)... Приходится думать, что или имеешь дело с несомненным безумием, или с неумением Плеханова объяснить людям какой-то внутренний процесс, совершающийся в нем... Выступления Плеханова в печати против Вас, а затем и нас я не боюсь, хотя оно и доставит большое удовольствие

всем противникам и усилит деморализацию в наших собственных рядах. От копеечной свечи уязвленного самолюбия (а оно, вероятно, и лежит в основе всей этой трагикомедии) не погибнет храмина, которая при всей своей запущенности все же в моих глазах продолжает олицетворять единственное здоровое течение в эволюции русского рабочего класса...» Потресов сообщал Мартову 27 ноября 1908 г., что «под впечатлением всего этого инцидента с Плехановым с трудом дотянул свою работу до конца».

Упоминание об этом конфликте есть во многих письмах Мартова и Потресова, причем Мартов акцентировал внимание на том, что никак не может понять, чего именно хотел Плеханов от статьи Потресова. 1 декабря Потресов в письме Мартову отмечал, что разногласия между ним и Плехановым лежат «не в области теоретической, а, так сказать, в сфере прикладной, в сфере оценки различных явлений нашего прошлого... Я припоминаю Ваши слова, сказанные по поводу статей Мартынова, что вздумай он сказать все, что он думает об этом прошлом, и в частности о взглядах в различные периоды нашего прошлого Плеханова, из сего получился бы большой скандал. Памятуя это и в интересах мира, я буквально испортил свою статью, потому что, говоря о таких центральных вопросах, как вопрос о так называемой гегемонии, я должен был также недоговаривать, как я недоговаривал вообще о группе «Освобождение труда» и благодаря этому не мог установить связи между группой «Освобождение труда» и теми условиями, которые ее создали и внесли много специфических черт в ее взгляды... И все-таки получился крах... Это значит, другими словами, что нет возможности действительно пересматривать наше идейное прошлое за четверть века, нельзя, потому [что], как осторожно ни танцуй, а на чью-либо любимую мозоль наступишь».

В тот же день, 27 ноября, Мартов в письме к Потресову опять возвратился к непонятным ему претензиям Плеханова к его статье. В одном из последних писем Дану Плеханов отметил, что тогда только оценил опасность статьи Потресова, когда из переписки по этому вопросу убедился, что даже Дан и Мартов, марксизму которых он доверял, ее не заметили. И далее Мартов продолжал: «Как-то в письме я ему указал, что на сей раз его сомнений не поймет и Ортодокс (Л.И.Аксельрод). Он мне тогда ответил: в Ортодокс я уверен, но, если б и она меня не поняла, я сказал бы словами святого Бернала: если б ангел господний сошел на землю и уверял меня в ложности веры христовой, то я отверг бы ангела. Как видите, он придает всему этому какое-то серьезное значение, но формулировать, в чем именно яд, он, очевидно, пока неспособен, что наводит на нелестные для него размышления»⁹³.

26 ноября 1908 г. раздраженный отношением редколлегии 5-томника к своим претензиям Плеханов писал Дану, что он против всех, кто «вносит в марксизм элементы ереси», поскольку «ересь лагеря большевиков не хуже для меня, чем ересь лагеря меньшевиков». Статья Потресова была им охарактеризована как «злая сатира на революционный марксизм» и «предательство марксизма»⁹⁴. 12 декабря 1908 г. Мартов не выдержал и написал Плеханову в связи с его заявлением о выходе из редакции многотомника о «проклятом ремесле человека, которому всю жизнь приходится заботиться о склеивании расклеивающихся коллективов». Он защищал статью Потресова, говоря, что даже обнаруженные в ней недостатки не являются поводом для такого радикального решения, какое принял Плеханов. Более того, продолжал Мартов, «принятое Вами лично для себя решение объективно уничтожает возможность продолжать только что начатую работу восстановления

меньшевистской литературной коллективности». Мартов выражал надежду, что Плеханов еще раз подумает о последствиях своего решения для судьбы общепартийных дел⁹⁵.

В середине декабря 1908 г. в квартире Плеханова в Женеве собрались Аксельрод, Дан, Мартов и Мартынов с задачей уговорить его не выходить из редакции «Голоса социал-демократа», поскольку она не имеет никакого отношения к изданию много-томника и статье Потресова. Эта встреча, кроме продолжения нервозности, ничего не дала. Плеханов еще 29 ноября 1908 г. в письме к Аксельроду предупреждал: встреча будет бессмысленной, если статья Потресова будет публиковаться. «Статья Потресова, — подчеркивал в письме Плеханов, — это настоящий пасквиль на революционный марксизм. Появление в печати этого пасквиля было бы для меня равносильно объявлению мне войны. Я твердо решил поднять перчатку Потресова. Но с Потресовым под руку пойдут Дан и Мартов. Отсюда вывод. Если они согласились на напечатание статьи Потресова, то мне надо выйти из редакции «Голоса социал-демократа»... Всякие разговоры бесполезны: чем скорее мы разорвем, тем лучше»⁹⁶.

17 декабря 1908 г. Мартов писал об этой встрече Потресову, отметив, что «это путешествие напомнило хорошие старые времена, когда все дела бросались к черту по случаю очередного пароксизма бешенства у Плеханова...» По его наблюдениям и разговорам, «история с пятитомником глубоко вонзилась в его сердце: и статью Вашу он глубоко возненавидел, и... свыше меры возмущен тем, что я дал ход его «прошению об отставке» из пятитомника вместо того, чтобы вступить в канительные переговоры и отыскивать компромиссы... Словом, пришлось нам коллегиально толковать с ним на тему о невозможности реагировать на эпизод с пятитомником выходом из редакции «Голоса социал-демократа». Плеханов, по словам Мартова, возложил ответственность за произошедшее не на Мартова и Маслова, а на всех остальных, которые, узнав о его недовольстве, должны были поддержать «старого товарища» и просить Потресова не публиковать статью, чтобы «не раскалывать единства здешней коллегии». Однако коллегия заявила, что после совсем не товарищеских отзывов Плеханова о статье она не могла ни во что вмешиваться, т.к. не могла понять, почему статью не следует публиковать.

После этого с членами редколлегии разговаривали Дейч и Р.М.Плеханова, предлагая хотя бы задержать издание статьи, и тогда «все образуется». Мартов от имени коллегии в письме Плеханову изложил обе точки зрения на статью Потресова и ее публикацию. Он исходил из того, что «из-за разногласия в оценке исторической статьи вообще не раскалываются», что каждый имеет право свободно высказывать свои мысли и их критиковать. Мартов просил Плеханова написать Потресову откровенно и спросить его, в чем заключаются приводимые им «ужасные последствия» появления статьи в печати. Позже Мартов узнал, что у Плеханова был обморочный приступ, но заявление о выходе из редакции «Голоса социал-демократа» подал.

22 декабря 1908 г. Потресов отмечал в письме к Мартову, что его сообщение о произошедшем в Женеве «сердца... не разбивает, но кровь испортить и отравить существование надолго может... что уступить же или отступить можно только тогда, когда знаешь, перед чем отступаешь и в чем уступаешь...» Он снова возвращался к тексту своей статьи и утверждал, что «необходимо дозарезу разобраться в нашем прошлом... имея в виду не одну самокритику и даже не столько ее, сколько исторический анализ, если можно так выразиться, всех бывших идейных и политических

конъюнктур, не боясь того, что «скажет княгиня Мария Алексеевна». Эта тема продолжала варьироваться в переписке и дальше.

Здесь мы вынуждены выйти за узкие хронологические рамки одного только 1908 г., поскольку конфликт Плеханова с меньшевистским руководством продолжался и дошел до логического конца уже позже — в 1909–1910 гг.

29 января 1909 г. Мартов сообщал Потресову, что Аксельрод отказался войти в состав редакции «Голоса социал-демократа», т.к. из нее никак не выходит Плеханов, что ему предложено отказаться от редакторства пятитомника «как условие мира». Он объяснял это обидой на него Плеханова, воспринявшего защиту статьи Потресова как личное оскорбление. Мартов «ради мира» был готов это сделать. Потресов возражал против выхода Мартова из состава редакции пятитомника, полагая, что «едва ли Вы таким способом достигнете каких-либо результатов с Плехановым» (8 февраля 1909 г.). В последующей переписке Мартова с Потресовым сюжет о размолвке с Плехановым продолжал присутствовать, но постепенно острота перепалки спала. 6 и 17 июня 1909 г. Мартов писал о публичных выступлениях Плеханова против меньшевиков и статьи Потресова. 2 сентября Потресов ответил, что посылает свой ответ Плеханову, в котором считал важным установить «связь между недовольством Плеханова моей статьей и объявлением войны меньшевикам». Особенно возмущали Потресова обвинения в «ликвидаторстве»⁹⁷.

История и результаты конфликта с Плехановым беспокоили в то время многих. Дан сообщал 28 июня 1909 г. Засулич, что «очередная плехановская история вступила в буйный фарс»: Плеханов то выходил, то не выходил из общих изданий, то «вдруг начал громить нас за терпимость к оппортунизму... В первый раз, кажется, мне в подобной истории больше всего обидно за самого Плеханова, который опять своими руками разрушает свое же собственное дело и опять лезет в болото, которое ничего хорошего ни ему, ни его делу не принесет»⁹⁸.

Аксельрод многие годы был одним из близких друзей и соратников Плеханова. Но и ему не удалось изменить его мнения на происходящее. Плеханов предпочел порвать отношения и с ним, но не идти на предлагаемые компромиссы. 14 января 1909 г. Аксельрод писал Р.М.Плехановой, что он с Мартовым предлагали разные варианты разрешения конфликта, но Плеханов ни о чем не хочет слышать, кроме того, чтобы уже напечатанная статья в вышедшем сборнике «не появилась на свет». Он не мог понять, почему Плеханов, обидевшись на редакцию пятитомника за защиту статьи Потресова, заявил о выходе из редколлегии «Голоса социал-демократа», не имевшего к этому отношения. Плеханов ответил Аксельроду 21 января 1909 г., что «искренне считает творение Потресова изменой марксизму», и ставил условие: Мартов выходит из редакции пятитомника, «Голос социал-демократа» публикует его (Плеханова) разбор статьи Потресова, и редакция выражает «свое принципиальное согласие» с ним. Аксельрод ответил 25 января 1909 г., что Мартов прислал заявление о своем выходе из редакции «Голоса социал-демократа», но из редколлегии пятитомника он выйти не может, т.к. не видит в статье Потресова «измены марксизму», чего, кстати, не находят и остальные. Поэтому заранее согласиться с критической статьей о Потресове никто не может, но все соглашаются открыть дискуссию по этому поводу. Аксельрод увещевал своего друга: «Молчать» тебе незачем, но ведь можно и обязательно говорить так, чтобы действительно выяснить теоретические грехи и скрывающиеся за ними оппортунистические тенденции, не внося при этом разгрома, дезорганизации и хаоса в собственные ряды».

В письме Р.М.Плехановой 25 января 1909 г. Аксельрод отстаивал право на свое личное мнение о происходящем, несмотря на многолетние дружеские отношения с Георгием Валентиновичем. «Ужасно, — писал он, — когда подумаешь, на что тратятся время, силы... здоровье! Да, Жорж (Плеханов) меня прямо заставляет становиться не на его сторону, если я не хочу в своих глазах морально пасть». И уточнил, что его долголетняя близость с семьей Плеханова, «близкое товарищество побуждают меня так откровенно и искренно высказывать свое резко отрицательное отношение к позиции Жоржа в истории с пятитомником»⁹⁹. Разрыв Плеханова со многими лидерами меньшевизма, особенно с Аксельродом, разумеется, сказался не лучшим образом на настроении каждого из них. Плеханов бодрился, когда писал жене: «...Настроение духа у меня не праздничное, это правда; но если ты думаешь, что я очень огорчаюсь моим столкновением с теми, кого ты называешь моими друзьями, то ты ошибаешься. У меня есть способность владеть собой. Вероятно, это способность самовнушения. Я говорю себе: с этим надо покончить, то-то надо забыть и забываю, и кончаю... Теперь я сказал себе: надо забыть этих господ. О, поверь, что я их забуду и успокоюсь»¹⁰⁰. Но никто ничего не забыл и не успокоился.

В феврале 1910 г. Плеханов опубликовал в приложении к № 10 «Дневника социал-демократа» статью «О моем «секрете», в которой использовал личную переписку с Аксельродом, Даном и Мартовым для доказательства наличия между ними принципиальных разногласий. Аксельрод был возмущен и заявил, что Плеханов в этом случае использовал методы «черносотенного и хулиганского характера», что, называя меньшевиков «ликвидаторами», он сам выступил как «настоящий ликвидатор». «Я покраснел бы от стыда, если бы хотя бы на мгновение мне пришло в голову, что существовала опасность того, что такой старый и близкий товарищ, как Плеханов, сможет представить... [мои письма] на обозрение читателям, которые могут неправильно воспринять их, потому что не знают содержания всей переписки и не знакомы с обстоятельствами, породившими их. Какой пример скандального подрыва дружеского доверия... Пусть Плеханов только представит себе, какие правила, какой дух господствовал бы в нашей партии, если бы его примеру последовали все товарищи», — писал Аксельрод¹⁰¹. В этой же статье Плеханов утверждал, что ретроспективное ликвидаторство (Потресова) находилось в самой тесной логической связи с его ликвидаторством настоящего времени, т.е. с «его убеждением в ненужности существования нашей партии»¹⁰².

До этой публикации Плеханова Аксельрод ограничивался эпистолярной критикой своего друга, теперь он ответил ему резко и публично. Особенно задел Аксельрода негативные высказывания Плеханова в адрес меньшевиков, выступавших за преимущественно легальные формы борьбы с самодержавием (ликвидаторы, Потресов), а также использование без его ведома личной переписки. Потресов ответил Плеханову дважды, касаясь отдельно его разрыва с редакцией «Голоса социал-демократа» и нападков на ликвидаторов¹⁰³. После этого личные отношения между Аксельродом и Плехановым больше не возобновлялись. 27 ноября 1910 г. Аксельрод с грустью писал Засулич о происходящем: «Ведь вот нам здесь приходится своими боками расплачиваться за статью А.Н. (Потресова), помещенную в издании, к которому мы, как коллективность, никакого отношения не имеем. Ненасытное чувство мести еще долго будет вдохновлять Жоржа (Плеханова) на поистине преступные демагогические атаки против всех нас и наших присных в России». Аксельрод опасался, что

уход Плеханова и его борьба с недавними единомышленниками помешают единению меньшевиков в борьбе с большевиками и Лениным¹⁰⁴.

Ссорой Плеханова с редакцией пятитомника, его выходом из состава авторов, отказом от дальнейшего сотрудничества с меньшевиками решили воспользоваться лидеры большевизма. Мартов писал Потресову 1 октября 1909 г., что Ленин, «увлекшись «плекхановским скандальчиком» и построив на нем целый план нового завоевания «руководящей позиции в партии», дал пароль: не делать ликвидаторам поблажек», а Л.Б.Каменев напечатал о 5-томнике фельетон, «в коем просто объясняет, что Ваша ересь состоит в «ликвидации Плеханова» и его роли в истории социал-демократии»¹⁰⁵.

Весь 1908 г. меньшевистское руководство (Аксельрод, Дан, Мартов и Потресов) занималось выработкой общих задач для своих сторонников в России и за рубежом. Плеханов в 1908 г. вышел из всех меньшевистских изданий, возобновил публикацию «Дневника социал-демократа», объединил своих приверженцев в группу «меньшевиков-партийцев» и начал резко критиковать своих недавних коллег по партии. Богданов охарактеризовал тогдашнее положение во фракциях РСДРП следующим образом: в 1908–1909 гг. Ленин с друзьями организовал раскол среди большевиков, а Плеханов — среди меньшевиков. Разница состояла в том, что Ленин устранил недовольных и остался с большинством, а Плеханов во главе немногочисленных сторонников ушел от меньшевиков¹⁰⁶.

Вероятно, в мировоззренческих построениях двух фракций и состояла причина происходивших тогда размежеваний. Плеханов хотел быть лидером меньшевистской фракции подобно тому, как Ленин руководил большевиками. Но Ленин строил свою партию «нового типа» на иных основах, чем это делали меньшевики. Для большевиков Ленин был авторитетным вождем, ему подчинялись все признающие ультрацентрализацию и бюрократическую дисциплину в партии. Для меньшевистской фракции были характерны демократизм, свободное высказывание мнений и критика действий и работ даже признанных авторитетов. Плеханов к этому относился болезненно и пытался в своих оценках быть носителем «истины в последней инстанции». В демократической партии подобное невозможно, здесь «истину» требовалось оспаривать в серьезной и длительной научно-политической полемике. Плеханову стать Лениным среди меньшевиков не удалось, и, наверное, в этом была основная причина многих его поступков, в том числе и конфликта 1908–1909 гг.

Для Потресова, Мартова и других лидеров меньшевизма главным было тогда издание многотомника, который действительно стал серьезной попыткой разобраться в прошлом и настоящем российской социал-демократии, пропагандой мировоззрения меньшевизма. Большевистское руководство в то время также ставило вопрос о создании истории российской социал-демократии с противоположных меньшевикам позиций. В апреле 1908 г. Ленин, приехав по приглашению М.Горького на Капри, встретился с Богдановым, Базаровым и Луначарским. Он предложил им «употребить общие средства и силы на большевистскую историю революции, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции». Однако его собеседники отказались от этого предложения, «пожелав заняться не общеполитическим делом, а пропагандой своих особых философских взглядов»¹⁰⁷.

В письмах Мартова и Потресова той поры затрагивались и другие волновавшие корреспондентов проблемы, в том числе превращение меньшевизма в идейное

течение, которое приковало бы к себе внимание публики. Мартов соглашался с Потресовым в том, например, что «скудные мыслями» статьи Н.И.Иорданского с проповедью философии «окончания революции» выдают, к его удивлению, за выражение взглядов «истинного меньшевизма» (22 марта 1908 г.)¹⁰⁸. Потресов и Мартов считали необходимым выступать в тех изданиях, в которых можно было бы пропагандировать социал-демократические взгляды. С этой целью Потресов согласился сам и предлагал Мартову принять предложение московского издательства «Мир» о написании статьи для «Истории русской литературы XIX века» (28 марта 1908 г.). Мартов сообщил ему о своем согласии (16 апреля), но пообещал, что этим сюжетом займется осенью, т.к. в настоящее время занят «Историей рабочего движения в XIX веке» для издательства Гранат. Он хотел бы также, если найдется издатель, опубликовать сборник статей, посвященный 25-летию группы «Освобождение труда» и 10-летию русской социал-демократии.

По мнению Б.М.Сапира, меньшевизм как политическая партия со своим моральным тоном есть детище Аксельрода. Плеханов был родоначальником российского марксизма, а Аксельрод — меньшевизма. Сапир писал об Аксельроде: «Меньшевизм, как политическая концепция и как специфический подход, отмеченный определенным моральным тоном, к проблемам рабочего движения в России, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, — есть детище этого совершенно исключительного по своим интеллектуальным и нравственным качествам человека»¹⁰⁹. Мартов в «Заметках публициста» (1910) прямо назвал Аксельрода «идейным вождем»¹¹⁰. По мнению Сапира, после 1905–1907 гг. Потресов в России оставался «естественным центром притяжения для меньшевиков, не смытых волной реакции и продолжающих участвовать в рабочем движении и в политической борьбе»¹¹¹. Сапир считал, что Плеханов столь резко напал на Потресова и поддержавших его меньшевиков за то, что они поддержали эволюционный путь развития общества, типичный для деятелей II Интернационала. Он приводил следующую выдержку из записей Л.О.Дан: «1908 г... конфликт с Плехановым из-за статьи Потресова и выход Плеханова из редакции «Голоса социал-демократа». Кстати, теперь видно, что прав-то был Плеханов в существе спора». Сапир не сомневался, что в данном случае Л.О.Дан солидаризовалась с мнением своего мужа Ф.И.Дана, который в конце жизни решил, что статья Потресова была связана с отходом от революционизма»¹¹².

Однако, на мой взгляд, поздняя оценка Л.О.Дан конфликта в меньшевистском руководстве в 1908–1909 гг. была все-таки чересчур прямолинейной, ибо резкий отход Плеханова от меньшевизма не принес политических дивидендов ни ему самому, ни меньшевизму в целом, а именно это является главным критерием оценки результатов данного конфликта. Тем более, что положение меньшевизма в 1908 г. и в России, и в эмиграции было крайне сложным, а их влияние на рабочих и интеллигенцию явно падало.

В течение всего 1908 г. руководство меньшевистской фракции не раз пыталось созвать конференцию для выработки стратегии и тактики РСДРП в новых российских условиях и подведения итогов недавних событий на родине. Они хотели собраться летом 1908 г. с приглашением меньшевиков из России, депутатов социал-демократов III Государственной думы, редакции «Голоса социал-демократа». Но из-за отсутствия финансирования конференция не состоялась¹¹³.

Вместе с тем нужно учитывать и другое: жизнь показала, в том числе и самим меньшевикам, невозможность в условиях царской России полного отказа от не-

легальной партийной работы и подпольной организации. Поэтому Плеханов был прав, когда настаивал на сохранении революционного подполья. Однако необходимый компромис между этими точками зрения достигнут тогда не был, и большая часть вины за это падает все-таки на Плеханова, а не на его оппонентов.

Мартов писал Аксельроду 21 марта 1908 г., что Потресов «нападает на нас за газету», считая, что нужно заниматься не публицистикой, а «развивать теорию и критически освещать пройденный путь»¹¹⁴. Можно сказать, что все лидеры РСДРП в то время пытались осмыслить исторический опыт деятельности партии, особенно в годы Первой российской революции, и определить ее задачи на ближайшее будущее. В 1908 г. Аксельрод, Дан, Мартов и Потресов полагали, что революция завершилась, и в новых условиях выступали за сочетание легальных и нелегальных возможностей в практической работе партии по организации рабочего движения и подготовке новых кадров из поколения, испытавшего на себе революционные потрясения в стране. Однако у них было разное отношение к проблеме сохранения единства РСДРП: Потресов считал это невозможным, остальные верили в вероятность преодоления раскола. Мартов в письме Потресову 4 декабря 1908 г. писал о будущем развитии партии и рабочего движения в России: «В мире совершается или начинается совершаться кризис, какого не было, пожалуй, со времени периода 1848–1871 гг., закончившегося образованием германской и итальянской монархий. Вся политика и все идейное развитие России пойдут теперь под все растущим влиянием надвигающихся бурных событий мирового характера». В апреле 1909 г. в статье «Куда идти?» Мартов продолжал размышлять на эту тему: «Почва, на которой «суждено двигаться рабочему классу», с самого начала минирована вдоль и поперек теми противоречиями международного характера, которые всегда могут – независимо от быстроты темпа внутреннего развития России – поставить перед народом все вопросы ребром и вовлечут страну в полосу революционных событий ранее, чем это ныне представляется вероятным»¹¹⁵. В этих словах Мартова звучало предчувствие надвигающейся на Европу и Россию войны и революции.

Мартов, в ответ на просьбу известного библиофила Н.А.Рубакина изложить вопрос о сущности меньшевизма, писал об организационном реформировании партии после 1907 г., когда меньшевики, опираясь на различные беспартийные рабочие организации (профсоюзы, кооперативы и т.д.), пытались создать «открытую рабочую партию». Именно тогда, сообщал Мартов, участники этих попыток «получили в полемике прозвище «легалистов», или «ликвидаторов», за свое отрицательное отношение к сохранившимся подпольным организациям». В то же время, продолжал он, «критика интеллигентского характера партии и ее ультрацентрализма привела меньшевиков к отрицанию заговорщических методов в боевой тактике с.д.»¹¹⁶

Социал-демократическая периодика и переписка лидеров меньшевизма свидетельствуют о широком спектре обсуждавшихся тогда вопросов. Они касались работы социал-демократической фракции III Государственной думы¹¹⁷, многих теоретических проблем, связанных с отношением к либералам и буржуазии, соотношением «диктатуры» и демократии и т.д. В письмах затрагивались и вопросы, не имевшие прямого отношения к политике, например реакция на лекцию Н.А.Бердяева или выступления американской танцовщицы Айседоры Дункан, а также семейные проблемы... Мартов 23 марта 1908 г. писал из Парижа Засулич, что «романтизм, которого слишком много было в нашем «материалистическом» движении, целиком перешел в те сферы, где занимаются «новым религиозным сознанием», «новым»

искусством, «вопросами пола и смерти» и прямой чертовщиной». Он сообщал, как при большом стечении публики слушал лекцию Бердяева о религии и государстве. Бердяев признавал утопичность возвращения к первобытному христианству, а потому ратовал за конституционную монархию. Он «читал по тетрадке замогильным голосом, гнусая по-дьяконовски, создавалось столь цельное впечатление (место о конституционной монархии он как-то ввернул украдкой), что я не выдерживал и несколько раз мальчишествовал, громко вздыхая, и повторял: «Господи, помилуй, господи, помилуй». Говорил, или вещал, цитатами из библии, пророков и апостолов. Слушали. Потом началась дискуссия. Выскочил Раппопорт и с французским легкомыслием стал на своем жаргоне уверять, что все это вздор и ерунда и что после-де Вольтера нельзя выходить с этим багажом и морочить публику...»¹¹⁸ Вообще повседневная жизнь лидеров меньшевизма в те годы — особая тема для исследования.

Близок к меньшевикам в то время был и Л.Д.Троцкий. В октябре 1908 г. в Вене он начал издавать газету «Правда». «Работа моя за годы реакции, — вспоминал он, — состояла на добрую долю в истолковании революции 1905 г. и в теоретическом прокладывании путей для второй революции»¹¹⁹. В то время у него установились тесные связи со многими западными социал-демократами — К.Каутским, К.Либкнехтом, Р.Люксембург и др. Из-за отсутствия достаточного финансирования «Правда» выходила нерегулярно, но с ней сотрудничали многие меньшевики: А.А.Иоффе, С.Ю.Семковский, М.И.Скобелев, М.С.Урицкий и др.¹²⁰

Определенные итоги жизни РСДРП были подведены в Париже на 5-й Всероссийской конференции (21–27 декабря 1908 г.)¹²¹. Конференция открылась 21 декабря 1908 г. (3 января 1909 г.) в одном из залов ресторана на rue d'Alésia, 99. На конференцию прибыли 24 делегата, из них 17 с решающим голосом, многие приехали с опозданием. Кроме того, в работе конференции приняли участие секретарь Центрального бюро заграничных групп РСДРП Д.Ф.Сверчков, секретарь Русского бюро ЦК РСДРП А.П.Голубков, представитель социал-демократической фракции III Думы Н.Г.Полетаев и др. Всего в 9 заседаниях конференции участвовало не менее 28 человек¹²².

На конференции обсуждались отчеты ЦК и руководства национальных организаций, задачи партии, организационные вопросы, работа думской социал-демократической фракции, деятельность эмигрантских социал-демократических организаций. Все обсуждаемые доклады подверглись критике делегатов конференции. Аксельрод, Дан и Н.В.Рамишвили представляли на конференции кавказских социал-демократов, Б.И.Горев (Гольдман) — ЦК РСДРП. Именно они заявили о недоверии ЦК партии и о том, что конференция является лишь совещанием и не может «претендовать на представительство общественного мнения партии», т.к. на ней не представлена «большая часть России»¹²³. Большевики — участники конференции с подобными утверждениями не согласились и критиковали меньшевиков за «ликвидаторство» и за выступление Череванина у рабочих-меньшевиков Петербурга, в котором он заявил, что укрепление РСДРП «не нужно и вредно для дела пролетариата»¹²⁴.

Рамишвили реагировал на это возмущенно: «На конференции сводят счеты с одной фракцией — с меньшевиками. Все толковали об этом и уверяли, что, не будь меньшевиков, все было бы благополучно». Он подчеркнул, что меньшевики никогда не срывали, в отличие от большевиков, ни одного заседания ЦК, и продолжал: «Григорий (Зиновьев. — И.У.) говорил, что мы ликвидаторы. А мы единственные

ведем истинно партийную работу, имеем легальный орган, 9 с лишним тысяч членов, бюджет, пополняемый не посторонними путями... Мы совмещаем крепкую нелегальную деятельность с широкой легальной деятельностью...»¹²⁵ Большевики, используя перевес голосов, отвергли все поправки и предложения меньшевиков. В результате Аксельрод покинул конференцию, не дождавшись ее завершения, Дан и его коллеги по фракции отказались принимать какое-либо участие в работе комиссий по выработке общих резолюций и т.д.

В проекте резолюции по организационному вопросу, предложенном меньшевиками, утверждалась важность расширения легальной деятельности партии, и потому «всякие попытки восстановить организацию дореволюционного типа, строго обособленную, руководимую исключительно профессиональными революционерами... грозили бы и теперь, и еще больше при будущем подъеме оторвать РСДРП от действительного движения рабочих масс». Меньшевики предлагали продолжать деятельность РСДРП, сочетая партийную нелегальную и легальную формы работы, ведя пропаганду и агитацию посредством думской фракции, открытых и полукрытых рабочих организаций¹²⁶. На конференции большевики объединились с польскими социал-демократами, меньшевики — с бундовцами. Последние возражали против предложения первых созвать партийный съезд летом 1909 г. Меньшевики в целом одобрительно оценили работу социал-демократической фракции III Государственной думы, заявив, что ее задачей является разоблачение политики царизма и обращение к вопросам социального законодательства¹²⁷. Резолюции на конференции принимались, как правило, со счетом 10 голосов большевиков против 3 голосов меньшевиков и 3 воздержавшихся бундовцев. Так было с резолюциями по отчетам ЦК и докладу Ленина «О современном политическом положении и задачах партии». Большинство голосов были отвергнуты предложения меньшевиков созывать конференции преимущественно в России, там же должен был находиться ЦК. Подобным образом решались и вопросы, связанные с национальными партиями.

Авторитарное воздействие Ленина на решения конференции, публикация им итоговой статьи «На дорогу»¹²⁸, где он выражал надежду на возрождение РСДРП под большевистской эгидой, сыграли и негативную роль. Раскола и дробления фракций преодолеть не удалось. Меньшевики просто игнорировали решения конференции. Ее участник большевик Голубков вспоминал о победе Ленина на конференции, но отмечал, что позже, во время встреч с Мартовым и другими меньшевиками в кафе и в кулуарных беседах, он убедился в неприятии ими ее резолюций, тем более что они заявили об этом уже в начале заседаний, говоря о неправомерности столь малочисленных делегатов определять деятельность всей РСДРП. Он косвенно подтверждал этот вывод своих оппонентов, заявляя, что на конференции «лежала печать общего упадка движения», т.к. ее участниками были всего два десятка делегатов, «да и то частью с мандатами от центральных учреждений»¹²⁹.

Н.К.Крупская в воспоминаниях определяла 1908–1911 гг. как время «острой борьбы за партию, за ее нелегальную организацию». По ее представлениям, атмосфера на конференции была накалена, это было вызвано борьбой с меньшевиками и большевиками-отзовистами¹³⁰. Это был один из партийных форумов, на котором Ленин боролся за свое политическое выживание. Когда выяснилось, что число приехавших делегатов явно не соответствует кворуму конференции, Большевистский центр принял решение «голосовать совместно членам БЦ и

делегатам», рассматривая присутствующих как совещание, на котором голосуют все. Богданов и В.Л.Шанцер протестовали против этого решения как нарушения регламента объявленной конференции. Но их заявление было отвергнуто. После этого Г.А.Алексинский, в то время большевик, писал М.Горькому 13 января 1909 г.: «Ленин расходится с большинством нашей фракции. К сожалению, фракция из уважения к «лидеру» не применяет к нему обычных правил единства и дисциплины и разрешает Ленину голосовать на общепартийной конференции против фракции... В большевистской фракции произведен наполеоновский переворот, причем в роль Бонапарта... сыграл, конечно, т. Ленин»¹³¹.

1908 г. свидетельствовал о кризисе РСДРП, о непреодолимых противоречиях в тактике и программных установках двух фракций. Меньшевики, в отличие от большевиков, продолжали считать уместными контакты и вступать в коалиции с либеральными партиями и парламентскими группами, они считали важным использование всех легальных возможностей для создания открытой рабочей партии и развития широкого рабочего движения¹³². Период «формального единства» претерпевал очередное крушение, которое продолжало нарастать в результате дальнейшего обострения межфракционных отношений в 1909–1912 гг.

¹ Публикация представляет собой раздел из новой книги И.Х.Урилова «История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4. Становление партии». Книга готовится к изданию.

² В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 349. Б.И.Горев (Б.И.Гольдман. 1874–1937) был избран на V съезде РСДРП кандидатом в члены ЦК. В 1903 г. он примкнул к большевикам, в 1907 г. перешел к меньшевикам. В воспоминаниях Горев писал, как в январе 1907 г. встретился на Финляндском вокзале Петербурга с большевиком П.А.Красиковым. «Вы в Куоккала? — спросил он меня. — Нет, в Териоки, — ответил я (там в это время жил Мартов и часто собирались видные меньшевики). Этим ответом я дал понять, что я теперь меньшевик. Красиков пробовал уговорить меня «заехать хоть на время к старику», как он ласково называл Ленина, в надежде, что тот вернет меня к большевизму, но это ему не удалось». (Горев Б. Ленин в эпоху второй эмиграции (из воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 25.) Так тогда и ездили: большевики в Куоккала, меньшевики — в Териоки.

³ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 176; Николаевский Б.И. К истории «Большевистского центра» // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 44.

⁴ Asher A. Pavel Axelrod and the development of menshevism. Stenford: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. 1972. P. 270–271. Аксельрод посвятил памяти жены Надежды Исаковны сборник своих статей «Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении» (Женева, 1905). В предисловии к сборнику Аксельрод с горечью писал: «Наши внутрипартийные разногласия и раздоры имеют источником громадное несоответствие между историческими обязанностями русской социал-демократии и примитивностью и односторонностью методов и средств, с которыми она пыталась и отчасти еще пытается выполнить эти обязанности. Методы эти и средства, как продукт отжившей эпохи, также отходят в вечность, как и общественно-политический строй России в эту эпоху. И весьма характерно, что в нашей партии еще так много элементов, с таким же отчаянием отстаивающих существование переживших себя методов и приемов революционной борьбы, с каким представители старого порядка борются за сохранение старого порядка» (с. V). Этот вывод, сделанный Аксельродом в 1905 г., можно отнести и к 1908 г., когда изменилась обстановка в стране и снова вспыхнула внутрипартийная дискуссия об изменении методов и форм работы РСДРП.

⁵ Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924. С. 170; Сверчков Д. На заре революции. Л., 1925. С. 261–263. Сверчкову тогда, видимо, настолько были

отвратительны партийные склоки, что в разговоре с Троцким он предложил создать новую коммунистическую партию, которая бы объединила всех марксистски мыслящих социал-демократов — и большевиков, и меньшевиков. Троцкий эту идею отверг, заявив, что с РСДРП связано много заслуг в организации революционной борьбы пролетариата, поэтому от этого наименования партии нет смысла отказываться. (*Сверчков Д.* Указ. соч. С. 262–263.)

⁶ *Жордания Н.* Моя жизнь. Stenford, 1968. С. 55–56.

⁷ Отечественная история. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 612–613; *Тютюкин С.В.* Больше-визм: страницы истории. С. 222–226, 271.

⁸ BAR. Boris Sapir collection. Box 57. Ser. IV.

⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 46; История КПСС. М., 1967. Т. 2. С. 257–258; В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 423. «Инцидент» заключался в письме члена ЦК от Бунда М.М. Розена Г.Е. Зиновьеву о том, что меньшевики предлагают заменить ЦК информационным бюро. Розен заявил на пленуме, что не получал никакого письма меньшевиков, а написал об этом на основании частного сообщения Заграничного комитета Бунда. Во время пленума представители Бунда протестовали против высказанных большевиками подозрений об их участии вместе с меньшевиками в заговоре против ЦК. (Ленинский сборник. М., 1933. Т. XXV. С. 25–26.)

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 8. Д. 42227. Ч. 1. Л. 2.

¹¹ Вторая половина 1906 г. ознаменовалась вынесением примерно 950 смертных приговоров. (*Фалеев Н.И.* Шесть месяцев военно-полевой юстиции // Былое. 1907. № 2. С. 80–81.) По данным редакции «Социал-демократа», в 1907–1909 гг. было казнено 2 073 человека. Только в 1907 г. за «дела революции и оппозиции» к суду было привлечено 11 066 человек, из них крестьян — 4 404, солдат — 2 130, рабочих — 1 603, мещан — 599 и др. // Социал-демократ. 1910. 26 февр. № 11.) По данным А.М. Анфимова, с 1906 г. наступает время массовых репрессий: в 1905–1909 гг. правительственные учреждения казнили ежегодно по 995 человек, а в 1826–1906 гг. происходило не более 11 казней в год. (*Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 120.) Согласно партийной статистике, эсеры совершили в 1907 г. 68 покушений, в 1908 г. — 3, в 1909 г. — 2, в 1910 г. — 1, в 1911 г. — 2. В Боевую организацию эсеров за все годы ее существования входил 91 человек, в террористические отряды — приблизительно до 300 человек. Всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало не более 2% членов партии. Жертвами эсеровского террора чаще всего были представители высшего и среднего звена государственного аппарата. (*Леонов М.И.* Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века — 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 409.)

¹² См.: *Гарви П.А.* Записки социал-демократа (1906–1921). Columbia University, 1982. С. 128, 131–134. Известно, что часть рабочих отрицательно относилась к забастовкам, они не были в то время единым социумом и по-разному проявляли отношение к политическим партиям, даже тем, которые считали себя их представителями. (Отечественная история. 2006. № 2. С. 198.) П.Н. Милюков позже писал, что «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ в его ряды партии кадетов был совершенно прегражден». (*Милюков П.Н.* Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. Париж, 1935. Т. 57. С. 295.) Милюков был не прав, представители рабочих были во многих политических партиях, в том числе и правых, черносотенных организациях. (*Омельяничук И.В.* Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история. 2004. № 2. С. 86–87.) В кадетских организациях также были рабочие. (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 267.)

¹³ *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Исторические этюды. Madrid, 1986. С. 174–175; *Розенталь И.С.* Глазами современников (к оценке российской модернизации) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С. 26–36. Первые советские исследователи положения российских рабочих после июня 1907 г. отмечали начавшийся в то время промышленный кризис, разгром многих рабочих организаций, уменьшение числа выступлений рабочих в борьбе за экономические права, усиливавшуюся апатию пролетарских масс. (*Балабанов М.* От 1905 к 1917 году. М.; Л., 1927. С. 100–109, 123.)

¹⁴ См.: Петр Бернгардович Струве (к 125-летию со дня рождения): Сб. статей. СПб., 1996; Российские либералы. М., 2001; Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 1–3; *Pipes R.* Russian conservatism and its critics. A study in political culture. New Haven: Yale University Press, 2005; и др. Р. Пайпс подчеркивал стремление Струве к эволюционной победе социализма в стране

в результате постепенного улучшения положения рабочих и выгод от их участия в политической власти. (*Лайнс Р. Я* жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005. С. 155.) Известный русский историк и общественно-политический деятель Б.Н.Чичерин (1828–1904) считал либералов двигателем общественного прогресса, для которых свобода человека — главное. Себя он относил к консерваторам, страшась всякой ломки общественного устройства. Чичерин был только за «прочное новое» при замене старого, естественно отжившего. (*Криницкая Г.С.* Проблема либерализма в исторической концепции Б.Н.Чичерина // *Отечественная история*. 2006. № 3. С. 162, 165.) Исследователи отмечали рост и активность буржуазно-либеральной периодики в то время. (См.: *Боханов А.Н.* Из истории буржуазной печати. 1906–1912 гг. // *Исторические записки*. М., 1976. № 97. С. 263–289.) С 1900 по 1916 г. только в Петербурге было зарегистрировано около 1800 журналов. Многие из них выступали с проповедью либерально-демократических идей. (*Бриленкова А.В.* «Толстый, тонкий журнал». Реклама в журнальной периодике в России на рубеже XIX–XX вв.; *Сидненко Т.И.* «Новый» либерализм в России в начале XX в. К истории создания и выхода в свет «Московского еженедельника» // *Общество и власть*. СПб., 2006. С. 114, 161.)

¹⁵ См.: *Берлин И.* Предисловие к книге Александра Герцена «С того берега» // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 30, 31, 36, 37, 39. Герцен был канонизирован советской историографией благодаря высоким оценкам Ленина.

¹⁶ По характеристике С.В.Тютюкина, «большевики синтезировали марксизм с русским радикализмом и бунтарством, тогда как меньшевики старались соединить учение Маркса с некоторыми либеральными ценностями». (*Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // *Политические партии в российских революциях в начале XX века*. С. 124.)

¹⁷ Hoover Institution Archives (далее — НИА). Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19; Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 177–178.

¹⁸ *Дан Ф.И.* Пролетариат и русская революция // *Голос социал-демократа*. Март 1908. № 3; *Мартов Ю.О.* К Первому мая // *Голос социал-демократа*. 1908, апр. № 3–4; *Он же.* Большевики // *Рубакин Н.А.* Среди книг. СПб., 1913. Т. II. С. 771; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 181. Подробнее об оценке меньшевиками революции 1905–1907 гг. см.: *Тютюкин С.В.* Большевикизм: страницы истории. С. 228–230. Мнение В.И.Ленина было близко к точке зрения Ф.И.Дана, когда он отмечал развитие русского либерализма в 1908–1912 гг. и подчеркивал, что «новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 327; Т. 22. С. 327.) Вместе с тем, Ленин был уверен, что все победы в 1905–1907 гг. были одержаны благодаря пролетариату и что «победоносная революция в современной России не может быть чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 37–38, 376–377.)

¹⁹ Эта мысль Мартова, без ссылки на него, была подтверждена в исследовании В.П.Данилова, который считал столыпинскую реформу одним из вариантов сохранения помещичьего землевладения при помощи административного давления на крестьян и раскола сельской общины. (*Данилов В.П.* Крестьянская революция в России // *Политические партии в российских революциях в начале XX века*. С. 37.)

²⁰ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

²¹ Югов (А.А.Фрумсон. 1886–1954), меньшевик и эмигрант, в некрологе памяти Дана отмечал, что с Потресовым у них были сложные отношения. После 1905 г. Потресов допускал возможность демократизации России эволюционным путем, а Дан и Мартов исходили из неизбежной революционной ликвидации самодержавия. Потресов ставил крест на возможности объединения фракций, а Дан и Мартов тогда продолжали борьбу за восстановление единства РСДРП. (BAR. Boris Sapir collection. Box 25. Ser. 1.)

²² *Дан Ф.И.* К современному положению // *Отзвуки*. СПб., Август 1907; *Он же.* Буржуазия и современный режим // *Голос социал-демократа*. 1909. № 13; *Мартов Ю.О.* Куда идти? // *Голос социал-демократа*. 1909. № 13; НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

²³ В этом споре, вероятно, был более прав А.Н.Потресов. Ю.А.Петров, исследуя роль буржуазии в российских революциях, пришел к выводу, что драматические события 1905 г. вызвали острую конфронтацию среди консервативной и либеральной части буржуазии, что «Союз 17 октября» представлял собой правый фланг российского либерального лагеря, что 1907–1916 гг. стали для российской буржуазии политической школой, которая подготовила ее лидеров к роли руково-

дителей Временного правительства в 1917 г. (*Петров Ю.А.* Буржуазия и революции в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. С. 63, 70, 72.)

²⁴ *Ерманский О.А.* Крупная буржуазия до 1905 года // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1; *Дан Ф.И.* Очерк политической эволюции буржуазных элементов городского населения; *Ерманский О.А.* Крупная буржуазия в 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2; НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19. О.А.Ерманский вспоминал, что его вывод о том, что в России буржуазная революция может быть совершена без активного участия крупной буржуазии, вызвал возражения Дана. Во втором томе «Общественного движения» были помещены рядом статьи Ерманского и Дана, видевшего важную политическую роль крупной буржуазии в создании революционной ситуации в 1908–1910 гг. (*Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 103–105.)

²⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

²⁶ *Троцкий Л.Д.* Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М., 1919. С. 34–35.

²⁷ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19. На эти письма и проблему обратил внимание Б.М.Сапир. (BAR. Boris Sapir collection. Box 16. Ser. 1.) Парвус (А.Л.Гельфанд) в то время защищал идею перманентной революции. В.П.Акимов (Махновец) в своих лекциях о кооперации резко критиковал идею «диктатуры пролетариата» в программе РСДРП, считая ее бланкистской и антидемократичной. (*Махновец В.П.* Сила — кооперации. Программа лекций. М., 1914. С. 41, 52–53.) Вопросы о существовании диктатуры пролетариата обсуждались в меньшевистских изданиях и позже. (См.: *Вишняк М.* О диктатуре пролетариата // Социалистический вестник. 1950. № 6. С. 116–119; *Берлин П.* О марксизме и диктатуре пролетариата // Там же. 1951. № 2. С. 32–34.) Ныне исследователи считают, что XX в. доказал невозможность «никакой диктатуры пролетариата в смысле государственного властвования класса фабрично-заводских работников». (См.: *Новопашин Ю.С.* Миф о диктатуре пролетариата // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 41.) По Ленину, «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 32.)

В сентябре 1960 г. Н.В.Валентинов (Вольский) в письме Б.М.Сапир, размышляя о природе меньшевизма, выделил в качестве предшественника этого течения труды и деятельность П.Л.Лаврова (1823–1900). Он цитировал высказывание Лаврова 1874 г.: «История доказала, и психология убедила нас, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура партий самых лучших людей и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народ декретами, не могли этого сделать. Всякая диктатура должна окружать себя принудительной силой, слепо повинующимися орудиями. Всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто несогласных с ее способами действий. О сложении же диктатуры, захваченной насильно какой-либо партией, можно мечтать лишь до ее захвата. В борьбе же партий за власть, в волнении явных и тайных интриг каждая минута вызывает необходимость сохранить власть, показывая новую невозможность оставить ее. Неужели наша революционная молодежь согласна служить подножием трона нескольких диктаторов, которые и при самых самоотверженных намерениях могут быть лишь новыми источниками общественных бедствий, но которые, вероятнее, будут даже не самоотверженные фанатики, но страстные честолюбцы, жаждущие власти для самой власти, жаждущие власти для себя». Но если рассматривать меньшевизм, продолжал письмо Валентинов, «когда он, следуя за Плехановым и Лениным, вводил не существовавший ни в одной европейской партии пункт о диктатуре пролетариата, — тогда Лавров предшественником меньшевизма не был... Меньшевиком чуждо убеждение, что «цель оправдывает средство». Поэтому предшественниками меньшевизма не могли быть Бакунин, Нечаев, Ткачев, а Лавров и Короленко — могли». (BAR. Boris Sapir collection. Box 10. Ser. 1.)

²⁸ *Аронсон Г.Я.* Россия накануне революции. С. 181.

²⁹ См. об этом: *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 424–426.

³⁰ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 185–186; *Розенталь И.С.* Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 169.

³¹ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

³² Вопросы истории. 2003. № 1. С. 33–34, 44. А.В.Пешехонов (1867–1933) — один из руководителей созданной в 1906 г. народно-социалистической партии — считал, что партия должна

быть легальной, так как конспиративная организация — это секта с очень небольшим числом единомышленников. (*Протасова О.Л.* А.В.Пешехонов. Человек и эпоха. М., 2004. С. 37.)

³³ В.Базаров (В.А.Руднев. 1874–1939) вступил в с.-д. движение в 1890-х гг., с 1905 г. — большевик, член Большевицкого центра, один из редакторов газеты «Пролетарий», переводчик на русский язык вместе с И.И.Скворцовым-Степановым трех томов «Капитала» К.Маркса, автор многих книг по философии марксизма. В 1908 г. в сборнике «Очерки по философии марксизма» выступил со статьей «Мистицизм и реализм нашего времени», в которой, как и в других своих работах, пытался соединить новейшие достижения современных ему мыслителей Р.Авенариуса, Э.Маха и др. в области теории познания с социальной философией марксизма и критиковал «метафизический материализм» Г.В.Плеханова и Л.И.Аксельрод.

А.Богданов (А.А.Малиновский. 1873–1928) в с.-д. движении с 1890-х гг., с 1903 г. — большевик, с 1905 г. — член ЦК РСДРП. В 1904–1906 гг. издал три тома своих философских работ под общим названием «Эмпириомонизм», в которых пытался соединить новые теории познания с марксизмом.

А.В.Луначарский (1875–1933) в с.-д. движении с 1890-х гг., с 1903 г. — большевик. В философских работах «Религия и социализм» (М., 1908–1911. Т. 1–2) пытался обосновать идеи богостроительства (социализм — высшая форма религии). В январе 1908 г. в Петербурге были изданы коллективные (В.А.Базаров, Я.А.Берман, А.А.Богданов, П.С.Юшкевич и др.) «Очерки по истории философии марксизма», которые были подвергнуты критике Г.В.Плехановым и В.И.Лениным. Луначарский позже обвинял Ленина в оппортунизме, когда писал: «Ленин имеет в себе черты гениального оппортуниста, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии». (*Луначарский А.В.* В.И.Ленин // Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 53.) Луначарский говорил о своем «разводе» с Лениным, когда «Ленин приспособился ко времени реакции, которую считал длительной, высказался за думскую борьбу, прибил к меньшевикам, в то время как я остался на позиции чисто революционной линии во что бы то ни стало». (*Луначарский А.В.* В.И.Ленин // Ленин: Сб. статей. Харьков, 1923. С. 59.)

³⁴ Подробнее об этом см.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 256–260; *Бэрн С.Х.* Г.В.Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 353–364; *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002. С. 240–244. (Пейн считал, что «материалистические воззрения Ленина не имели никакого отношения к философии» (с. 242)); *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002. С. 219–221; и др.

³⁵ А.В.Луценко причину разногласий между Лениным и Богдановым видел не в «философском споре», а в противостоянии по стратегическим и тактическим вопросам действий большевиков. По его мнению, организатором раскола был Ленин, а не Богданов. Ленин пожертвовал своим самым деятельным соратником во фракции ради сохранения лидерства в большевицком движении. (*Луценко А.В.* Начало конфликта между В.И.Лениным и А.А.Богдановым (1907–1909 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 31, 44, 46.) Ю.П.Шарапов подоплеку конфликта между Лениным и Богдановым усматривал в разногласиях тактического характера, в вопросах контроля над партийной кассой, в стиле руководства. По его мнению, личная борьба за власть в руководстве большевицкой партии до 1917 г. была не просто столкновением двух лидеров, а отражением разного восприятия марксизма, планов построения партии. Разным было у них и отношение к Марксу. Ленин не допускал критики Маркса. Богданов отмечал в записной книжке, размышляя о событиях 1908–1910 гг.: «В действительности, нельзя быть последователем Учителя, не идя дальше него и не расходясь с ним. Тому, кто хочет быть «последователем» и не идти дальше своего учителя, остается только последовать за ним — в могилу. И это лучшее». (*Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 58, 60.)

Богданов ответил на критику Плехановым своих работ наиболее полно в книге «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914), когда в пылу полемики заявил, что Плеханов не ученый, а только популяризатор марксизма и что в 1904–1914 гг. в русской социал-демократии не было человека, который бы, «пользуясь огромным авторитетом, больше содействовал бы порче нравов в идейной и политической жизни нашего юного, неустойчивого коллектива». (Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 3. С. 145, 154.)

По мнению Б.И.Николаевского, в то время на авансцене велись философские споры, а на деле шла борьба за влияние в Большевицком центре, за право распоряжаться капиталами большевицкой фракции. (*Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. С. 59.)

Валентинов ответил Ленину в своих воспоминаниях и эссе начала 1950-х гг. Он писал, вспоминая встречи с Лениным и Плехановым, что «философские взгляды Плеханова я считал безобразными, но он все-таки штудировал философию, тогда как у Ленина... ни малейших следов какого-либо знания этих вопросов». Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» произвела на Валентинова негативное впечатление. (*Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 189, 225.) После получения письма А.И.Ульяновой-Елизаровой с просьбой смягчить критику в книге «Материализм и эмпириокритицизм» в адрес оппонентов Ленин ответил, что согласен это сделать в отношении Базарова и Богданова, а в отношении П.С.Юшкевича и Н.Валентинова этого делать не будет. (В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 445.) М.Горький не советовал Ленину нападать на их общих знакомых — Богданова и др. 24 марта 1908 г. Ленин ответил Горькому, что иначе он поступить не может. «Раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправедности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 151.) Через Горького шли в кассу большевиков многие финансовые потоки. Ленин на словах относился к писателю весьма уважительно, но на деле ни его, ни кого бы то ни было к партийным тайнам не допускал. (*Басинский П.* Сектант и еретик // Литературная газета. 2005. № 30.)

³⁶ *Богданов А.А.* Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990. С. 184. Современные обществоведы даже заключают, что главным оппонентом большевиков «по своей культурной сути были не столько идеи Каутского, Бернштейна, Плеханова, Мартова и многих последующих политических антибольшевистских идеологов, сколько творчество русских писателей как культурное основание возможной политической либеральной оппозиции... большевизму». (*Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н.* Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002. С. 282.)

³⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 198; В.И.Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 406.

³⁸ О Е.Ф.Азефе (1869–1918) см.: *Бурцев В.* В погоне за провокаторами. М., 1989; *Николаевский Б.* История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991; *Гейфман А.* В сетях террора. Дело Азефа и русская революция. М., 2002; и др.

³⁹ *Пак Б.И.* Революционер Николай Павлович Шмит // История СССР. 1985. № 1. С. 113–124; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. С. 29; *Д'Анкос Э.К.* Ленин. М., 2002. С. 103–108. Б.И.Николаевский и многие другие авторы подробно описали эту историю. Н.П.Шмит был предпринимателем и племянником известного мецената С.Т.Морозова. Он, как и его дядя, сочувствовал социал-демократам, и оба погибли при трагических обстоятельствах (были убиты или покончили жизнь самоубийством). С Морозовым это произошло 13 мая 1905 г., с Шмитом — 13 февраля 1907 г. Шмит завещал значительную часть своего состояния социал-демократам, но большевики решили, что оно принадлежит только им. У Шмита были две сестры и брат, которые также претендовали на это состояние. Тогда, по предложению руководства Большевицкого центра, с одной из сестер вступил в фиктивный брак большевик В.К.Таратута и получил возможность часть ее доли состояния перевести в большевистскую кассу. Муж старшей сестры Шмита большевик Н.Андриканис решил передать в партийную кассу лишь часть полученной доли наследства, он вышел из партии и возмутился угрозами со стороны Таратуты. Ленин действия Таратуты поддерживал. В.С.Войтинский вспоминал, что «Ленин былнисходителен не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент». (*Войтинский В.* Годы побед и поражений. Берлин, 1924. С. 102–103; Социалистический вестник. 1948. № 8–9. С. 154.) Н.А.Рожков, большевик и историк, рассказывал, что однажды обратил внимание Ленина на действия Таратуты, по его мнению, прожженного негодяя. Ленин ответил ему со смехом: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить, а Виктор пошел. Это человек незаменимый». (*Шуб Д.* Политические деятели России (1850–1920-х гг.). Нью-Йорк, 1969. С. 95.) Ленину удалось тогда сделать лояльными для своей фракции выводы партийных комиссий об экспроприациях (председатель — Г.В.Чичерин) и наследстве Шмита (председатель — М.А.Натансон, один из лидеров партии эсеров). Ныне опубликован протокол передачи Большевицкому центру части наследства Н.П.Шмита 8 (21) февраля 1909 г. В нем говорится, что в течение 1908 г. при помощи адвокатов, указанных Большевицким центром, за границу был переведен капитал, принадлежавший Елизавете Павловне Шмит (жене Таратуты). 29 октября (11 ноября) 1909 г. Ленин

дал расписку о принятии от Е.П.Шмит 275 984 франков. После январского пленума ЦК РСДРП деньги были переданы на общепартийные нужды. Попытка Ленина в 1911 — начале 1914 г. вернуть деньги большевикам не удалась. (В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 31–33, 38, 99–102.) С Лениным в то время были связаны и другие финансовые операции партии. В январе 1908 г. он получил письмо от Ф.А.Ротштейна (1871–1953), английского социалиста, который сообщал, что фабрикант Д.Фелз требует вернуть ему долг, взятый для проведения V съезда РСДРП. Ленин просил отсрочить уплату долга, который был возвращен советским правительством в обмен на письмо-гарантию с подписями всех участников съезда. (В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 383.) Сложнее было с делом большевика Н.А.Семашко (1874–1949). Он был арестован в Женеве в связи с разменом экспроприированных в Тифлисе денег. Вскоре выяснилось, что к ним он никакого отношения не имел, а причиной ареста стало полученное им письмо от знакомой, арестованной в Мюнхене по этому делу. Семашко был племянником Плеханова и обратился к нему за помощью. Однако Плеханов в помощи отказал, заявив: «С кем поведешься, от того и наберешься», намекая на причастность Семашко к большевикам, оправдывавшим методы экспроприации. (Семашко Н.А. Незабываемый образ // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 2. С. 270–271; Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 35.) За него вступился Ленин, и при помощи нанятого адвоката невиновность Семашко была доказана, он был освобожден от судебного преследования. Ленин был возмущен выступлением Мартова, отказавшегося защищать «большевика, попавшего в тюрьму». (В.И.Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 383–386.)

⁴⁰ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 545. Л. 3. Мешковский — псевдоним И.П.Гольденберга (1873–1922), большевика с 1903 г. В декабре 1908 г. А.А.Богданов и кассир Большевицкого центра В.Л.Шанцер сделали заявление о желании предать огласке сведения о той деятельности руководства, которая приносила фракции больше вреда, нежели декларируемой пользы. (Вопросы истории. 2003. № 1. С. 37.)

⁴¹ Социал-демократическое движение в России. Материалы. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 175. По мнению А.Гейфман, меньшевики были возмущены не столько фактами экспроприации, сколько тем, что Большевицкий центр объявлял эту «добычу» своей собственностью, а не собственностью всей РСДРП. Она же отмечает, что отдельные местные меньшевистские организации в России также использовали экспроприации для пополнения своей кассы. (Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. С. 168–169, 171–174.) Наверное, были такие и мнения, и действия, но Мартов был последовательным противником подобных методов финансирования партии.

⁴² НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 2. Ser. 19.

⁴³ Гейцлер И. Мартов. СПб., 1998. С. 158.

⁴⁴ Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985. С. 191; Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 2. С. 257–258; Голос социал-демократа. 1908. № 1–2. С. 24–28.

⁴⁵ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 191.

⁴⁶ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 652. Fol. 9. Ser. 279.

⁴⁷ Там же. С. 188–189.

⁴⁸ Мартов Л. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП). Париж, 1911. С. 20–27; Каменев Ю. Две партии. Издание ред. «Рабочей газеты», 1911. С. 122–132. Ю.Каменев (наст. фам. Л.Б.Розенфельд. 1883–1936) в с.-д. движении с 1901 г., с 1903 г. — большевик, в 1907–1910 гг. — член Большевицкого центра, позже известный большевистский и советский деятель. Репрессирован. Реабилитирован в 1988 г.

⁴⁹ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1–2. Ser. 19. Сохранилась машинопись переписки Мартова и Потресова в двух переплетенных томах.

⁵⁰ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 545. Л. 4.

⁵¹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 166, 179–180. На лондонском съезде (1907) меньшевики потеряли большинство в руководящих органах партии, что внесло определенное смятение в их ряды. В январе 1908 г. ЦК РСДРП функционировал в следующем составе: большевики — Н.А.Рожков (1868–1927), И.П.Гольденберг (1873–1922), Г.Е.Зиновьев (Радомыльский. 1883–1936); меньшевики — Б.И.Гольдман (1874–1937), М.И.Бройдо (1877–1937); от польских социал-демократов — А.С.Варшавский (1868–1941); от Бунда — М.И.Гольдман (1880–1937); от латышских социал-демократов — К.Х.Данишевский (1884–1941). А.П.Голубков — секретарь Русского бюро ЦК — вспоминал, как по предложению И.Ф.Дубровинского он вошел в состав

«пятерки», которая должна была организовать и координировать партийную работу в России от имени ЦК. От большевиков в нее вошли Дубровинский, И.П.Гольденберг (Мешковский), Голубков; от меньшевиков — М.И.Бройдо (1877–1937) и бундист Юдин (И.Л.Айзенштадт. 1867–1937). Как писал Голубков? «пятерка» не собиралась ни разу, обычно на заседаниях было не более трех человек. Но эти заседания происходили «довольно редко и... большого значения иметь не могли». (Голубков А. На два фронта. Из эпохи реакции. М., 1933. С. 9–10.)

⁵² Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). С. 180, 182, 184, 185.

⁵³ Социал-демократическое движение в России^ Материалы. Т. 1. С. 171–172; Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С. 361–362.

⁵⁴ Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. С. 180–181.

⁵⁵ См.: Волобуев О.В. Большевики в поисках новой партийной модели. Июнь 1907 — июль 1914 г. // Большевики и меньшевизм. М., 1998. С. 25.

⁵⁶ BAR. Boris Sapir collection. Box 24. Ser. 1. Л. 5–6.

⁵⁷ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного отделения. М., 1990. С. 64. Жандармский генерал А.И.Спиридович был автором двухтомного исследования «Революционное движение в России», составленного из его лекций на курсах жандармских офицеров. Он писал о возникновении в 1908 г. различных течений среди большевиков (отзовисты, ультиматисты), меньшевиков (ликвидаторы, партийцы), об арестах партийных типографий в России, расприх между фракциями, что не делало их сильнее. (Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. 1. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914. С. 172, 175.) Наиболее активным полицейским информатором в то время был Я.А.Житомирский. Именно он составил подробное донесение о работе V съезда РСДРП (1907) и всех партийных конференциях 1908 г., присутствуя на них. (См.: Агафонов В.К. Заграничная охранка (составлено по секретным документам заграничной агентуры и департамента полиции.) М., 1918. С. 342–343.)

⁵⁸ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 2. Ser. 19.

⁵⁹ Martow J. Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Mit einem Nachtrag von Th. Dan: Die Sozialdemokratie Ruslands nach dem Jahre 1908. Berlin, 1926. S. 234–235; Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Edizioni Aurora, 1975. С. 162–163; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксизм и русская революция. М., 1996. С. 149; Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 59–66.

⁶⁰ Степанов А.И., Уткин А.И. «Третьеиюньский переворот» и кризис в РСДРП // Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 94. Л.Шапиро предлагал свою квалификацию четырех групп меньшевиков: кавказские (грузинские) меньшевики; А.Н.Потресов и его российские последователи; «практики» — меньшевики, работавшие в легальных организациях; эмигранты. (Шапиро Л. Указ. соч. С. 163.)

⁶¹ См.: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 280–281.

⁶² Николаевский Б.И. А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С. 431. Он же. П.А.Гарви. (Черты к политической биографии) // Социалистический вестник. 1944. № 7–8. С. 94. По мнению Г.Е.Зиновьева, в 1907–1909 гг. Плеханов стал «певцом подполья», вместе с меньшевиками-партийцами борясь против «ликвидаторов». (Зиновьев Г.Е. История РКП(б). Л., 1925. С. 153.)

⁶³ BAR. Boris Sapir collection. Box 24. Ser. 1.

⁶⁴ Тютюкин С.В. Большевики: страницы истории. С. 245; НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 2. Ser. 19. Ф.А.Череванин (Липкин. 1869–1938) — меньшевик с 1903 г., член ЦК РСДРП (1917), автор многих исторических и политологических работ.

⁶⁵ Синонимом слова «ликвидация» является слово «устранение», т.е. отказ полностью от каких-то действий или союзов. А.А.Богданов связывал появление среди меньшевиков течения за преимущественно легальные формы борьбы с царизмом с идеей П.Б.Аксельрода о созыве «рабочего съезда», которую на V съезде РСДРП поддержал и Г.В.Плеханов. (Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. М., 1995. Кн. 3. С. 153.) Борис Вайль в статье «Драма создателя партии (к 50-летию со дня смерти А.Н.Потресова)» писал, что кличка «ликвидатор» была придумана Лениным и стала второй после наименования «меньшевики» «семантической победой» большевиков. (BAR. Boris Sapir collection. Box 10. Ser. 1.) Скорее всего, под влиянием ленинских резко отрицательных оценок «ликвидаторства» написана статья О.Волобуева и В.Клокова о меньшевиках, где им приписываются кате-

горичные решения о ликвидации нелегальных партийных организаций, игнорирование постановлений центральных органов РСДРП и т.д. (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 356–357.) А.П.Ненароков и П.Ю.Савельев более объективно пишут о появлении т.н. «ликвидаторского» течения среди части меньшевиков, объясняя его возникновение поисками новых форм партийного строительства после поражения революции 1905–1907 гг., но также акцентируя внимание на его отрицательном отношении к сохранившимся подпольным организациям. (Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 281.) Термин «ликвидаторство» был оскорбителен для меньшевиков и не отражал существа дела, так как никто из тех, кого большевики так именовали, не хотел, да и не мог ликвидировать партию или ее традиционные методы работы. Но они позволили этому термину распространиться, и это стало новой победой большевиков в «ярлыковой» борьбе с меньшевиками. Н.В.Вольский (Валентинов) вспоминал, как однажды Ленин в разговоре с ним заявил, что для дискредитации противника все средства хороши. Ленин сообщил ему об этом со ссылкой на Плеханова, который будто бы в разговоре с ним сказал: «Сначала налепим на него бубновый туз, а потом разберемся». «А я считаю, — продолжал Ленин, — что на всех, кто хочет колебать марксизм, нужно лепить бубновый туз, даже не разбираясь. Такой должна быть реакция всякого здорового революционера». У Вольского от этих слов Ленина «дыхание сперло». (Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. С. 169.)

⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 45.

⁶⁷ Засулич в 1913 г. замечала, что на II съезде РСДРП была создана подпольная организация с иерархическим уставом и сильными тенденциями бюрократического централизма, объединившая кружки интеллигентов для пропаганды среди рабочих. Она заключала, что эта партия создавала лишь предпосылки для возникновения настоящей социал-демократической партии из рабочих, а не только для рабочих. (Богданова Т.А. В.И.Засулич о «европейском вероятном пути политического освобождения» России: мечты и реальность // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 54.)

⁶⁸ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 246. А.И.Степанов и А.И.Уткин придерживаются иной точки зрения. Для них «ликвидаторы-легалисты требовали прекращения всех форм нелегальной деятельности партии...». (Драма российской истории: большевики и революция. С. 94.) По мнению Л.Шапира, утверждение, что будто бы «меньшевики хотели «ликвидировать» подпольную партию, было... фикцией в целях разжигания междоусобной полемики». (Шапиро Л. Указ. соч. С. 177.)

⁶⁹ Аксельрод П.Б. Источники разногласий между так называемыми партийцами и так называемыми ликвидаторами // Голос социал-демократа. 1910. № 23; Чарский Е.П. П.Б.Аксельрод об антиликвидаторстве и его исторических корнях // Наша заря. 1911. № 1, 3, 5; Дан Ф.И. Борьба за легальность // Голос социал-демократа. 1910. № 19/20; Мартов Ю.О. О «ликвидаторстве» // Голос социал-демократа. 1909. № 16/17; Он же. «Ликвидаторство» и «перспективы» // Жизнь. М., 1910. № 1; Потресов А.Н. Критические наброски. О том, почему пустяки одолели // Наша заря. 1910. № 4; Он же. Критические наброски. О Плеханове // Наша заря. 1910. № 10; и др.

⁷⁰ НИА. Boris Nicolaevsky Collection. Box 57. Fol. 2. Ser. 19.

⁷¹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 246, 249, 250, 182–183. А.С.Мартынов (Пиккер. 1865–1935), народовелец, затем с.-д., с 1903 г. — меньшевик, член ЦК РСДРП (1907), с 1923 г. — большевик. О.В.Аптекман (1849–1926), народовелец, затем с.-д. М.Ф.Назарьев (1879–1935), с 1903 г. — меньшевик, работал в заграничных с.-д. организациях. А.К.Пайкес (1873–1958), с.-д., с 1903 г. — меньшевик, с 1918 г. — большевик. М.С.Зборовский (1879–1935), с.-д., с 1903 г. — меньшевик. В.Тевзая (1883–1932), с.-д., с 1903 г. — меньшевик. Журнал «Голос социал-демократа» издавался ежемесячно. Первые 11 номеров в 1908 г. вышли в Женеве, последние 15 номеров — в Париже (до декабря 1911 г.). В редакции журнала работали Аксельрод, Дан, Мартов, Мартынов, Маслов, Плеханов. В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции. (Бургина А.М. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stenford, 1968. С. 336.)

⁷² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 252–255. Заметим, что в то время сторонники идеи Аксельрода о созыве рабочего съезда (Ю.Ларин и др.) предлагали сменить «вывеску» РСДРП на «трудовую партию», т.е. заменить нелегальную социал-демократическую организацию на легальный политический рабочий союз социалистической ориентации. (Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 244–245.)

⁷³ *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 245.

⁷⁴ Дан писал в объявлении об издании первого номера «Голоса социал-демократа»: «В такую эпоху временного торжества контрреволюции, какую переживает Россия, на социал-демократии более, чем когда-либо, лежит обязанность вести самую энергичную борьбу с идейным развалом и разбродом, дать научный анализ причин, приведших русскую революцию к кризису, указать социальные силы, способные вывести страну из тупика реакции...» Критику со стороны Засулич вызвала фраза о научном объяснении поражения революции: «Кто сознательно написал эту фразу, — писала она, — тот учиться не может». // Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. С. 181, 383. Текст объявления негативно восприняли Потресов, В.О.Левицкий и др. (Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). С. 195–196.)

⁷⁵ *Меньшевики и меньшевизм: Сб. статей.* С. 27–28.

⁷⁶ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 181–182. Позицию Мартова всецело разделяла его сестра — Л.О.Дан, которая писала брату 1 февраля 1908 г., что радуется тому, что он «не зарылся общим настроением в пользу «подполья». Ничего нелепее сейчас нельзя и придумать. Надо знать, что делается всюду в провинции, чтобы раз навсегда поставить крест на подобных предположениях». Она сообщала о разногласии по поводу перспектив партийного строительства у меньшевиков и большевиков. (ИИИ. П. — Л.О.Дан.) О поисках новых форм работы писали и большевики. М.П.Томский (Ефремов. 1880–1936), большевик, вспоминал: «У нас был... период между 1907 и 1908 годами после Лондонского съезда, когда многих из большевиков выгнали из профсоюзов, ибо мы... пришли в профсоюзы и начали: «Вот вы резолюцию Лондонского съезда принимаете или нет?» А те говорят: «Мы не насчет резолюции,.. а вот насчет того, нельзя ли нам, чернорабочим, на 5 коп. добиться повышения зарплат?!» «Это, — им отвечали, — пустяки, а вот как насчет резолюции Лондонского съезда?» — «Мы этого не обсуждали». — «А мы требуем, чтобы вы обсудили». «Тогда, — говорили нам, — выйдите за дверь и там обсуждайте». Положение исправилось, — отмечал Томский, — когда от обсуждения партийных документов перешли к их реализации». (См.: *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 19.)

⁷⁷ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 257–259.

⁷⁸ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 184.

⁷⁹ Там же. С. 183; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. С. 67.

⁸⁰ См.: *Мозильнер М.Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 91–120.

⁸¹ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909–1914. Т. 1. (1909). Предвестники и основные причины движения; Т. 2. Ч. 1. (1910). Международное положение России перед революцией. Массовое движение; Т. 2. Ч. 2. (1910). Массовое движение. Главнейшие моменты в истории русского марксизма; Т. 3. (1914). Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе; Т. 4. Ч. 1. (1910). Изменения экономического и политического строя. Международные отношения; Т. 4. Ч. 2. (1911). Общая политика правительства и изменения в государственной организации. Национальные движения. Общественное движение в Финляндии.

⁸² *Шапиро Л.* Указ. соч. С. 179; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 234–235.

⁸³ *Мартов Ю.О.* Избранное. М., 2000. С. 547–548, 632.

⁸⁴ Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. С. 177. О П.П.Маслове см.: *Орлов И.Б.* «Персонаж исчезнувшей меньшевистской Атлантиды» (Петр Павлович Маслов: экономист, публицист и политический деятель) // Меньшевики и меньшевизм: Сб. статей. М., 1998. С. 153–191.

⁸⁵ HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

⁸⁶ См.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1. С. 538–640; *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 121–167.

⁸⁷ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 233.

⁸⁸ *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 56–60; Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 285.

⁸⁹ *Потресов А.Н.* Г.В.Плеханов // Былое. 1918. № 12; *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 282–290.

⁹⁰ Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. С. 182. Горн — псевдоним В.Г.Громана (1874–1940). *Горн В.* Крестьянское движение до 1905 г.; *Ленский З.* Национальное

движение // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1; НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

⁹¹ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19; Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. С. 184–189. Подробнее о роли П.Б.Струве в общественно-политической жизни России той поры см.: *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. 1870–1905. Т. 1. М., 2001.

⁹² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 266, 267, 269. Л.О.Дан вспоминала, что для Мартова Струве был просто «легальный марксист», а для Потресова — человек, с которым они были товарищами по университету, вместе выработавшими свои первые революционные убеждения, человек, которому он продолжал верить. Много позже, 6 ноября 1961 г., Н.В.Вольский писал Л.О.Дан, что в течение года читал большевистско-меньшевистскую литературу и в связи с этим, вспоминая многих лидеров социал-демократии, дал им субъективную, но искреннюю характеристику: «Ни от кого не остается такое неприятное воспоминание, как от Плеханова. Человек он маленький, черствый, крайний индивидуалист и пакостник. У Мартова видишь метания, непоследовательность, а когда расстаешься с ним — остается чувство симпатии. Аксельрод — ну, это милейшее «недоразумение», а Потресов — воплощенное благородство». (Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С. 47, 176.)

⁹³ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19. Речь шла о статье А.С.Мартынова «Главнейшие моменты в истории русского марксизма». (Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2.)

⁹⁴ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1972. Т. 1. С. 232–233.

⁹⁵ *Мартов Ю.О.* Избранное. С. 551–554.

⁹⁶ Документы Г.В.Плеханова // Исторический архив. 1956. № 6. С. 13. Плеханов в письме Мартынову 17 ноября 1908 г. подчеркивал, что «наши нынешние затруднения вызываются тем, что не хотят отстранить вредной статьи Потресова». (Там же.) Мартынов 1 декабря 1908 г. предлагал Мартову для снятия напряженности в отношениях с Плехановым предоставить ему в том же возмездии высказать критические замечания по поводу статьи Потресова. (РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.) Эта идея не была осуществлена.

⁹⁷ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1–2. Ser. 19. Письмо Потресова было опубликовано Мартовым в статье «Дополнение к «поправке». (Голос социал-демократа. 1909. Авг.–сент. № 16–17.) Л.Шапиро видел подлинную причину ссоры в том, что Потресов не подчеркнул роли Плеханова в начале социал-демократического движения в России. Все остальные редакторы многотомника не разделили возмущения Плеханова. Тогда, «к их великому изумлению», Плеханов начал обличать своих бывших коллег методами, мало чем отличавшимися от ленинских. (*Шапиро Л.* Указ. соч. С. 179.) Среди западных историков оценка роли группы «Освобождение труда» выглядит по-разному, но многие полагают, что успехи ее в деле распространения марксизма в России были невелики. (*Макаров Н.В.* Генезис российской социал-демократии в работах англо-американских историков // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 37–39.) Плеханов написал письмо в редакцию «Голоса социал-демократа» о выходе из состава редколлегии 5 января 1909 г., но опубликовано оно было по его просьбе только в мае 1909 г. с отметкой, что он не принимал участия в работе редакции с декабря 1908 г. В заявлении Плеханов уточнял причины своего отказа от работы в редакции. «Я, совершенно неожиданно для себя, — писал он, — разошелся с т. Мартовым в оценке статьи А.Н.Потресова, несомненно имеющей огромное принципиальное значение при всех своих, столь же огромных, литературных и теоретических недостатках». Он объяснял это разностью взглядов своих и Мартова на вопросы, затронутые в статье Потресова, хотя и подчеркивал, что решение о выходе из редакции далось ему нелегко. (Исторический архив. 1956. № 6. С. 14; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 266.) По мнению С.Бэрона, «в этом споре Плеханов продемонстрировал те же эгоизм, вспыльчивость и нетерпимость, что шокировали некоторых российских социал-демократов во время прежних внутрипартийных конфликтов». (*Бэрон С.* Г.В.Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 349.)

⁹⁸ Письма Ф.И.Дана к В.И.Засулич. 1907–1916 гг. // Исторический архив. 1998. № 2. С. 128.

⁹⁹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 2. С. 270–271, 274–275, 278–279, 283, 284.

¹⁰⁰ Цит. по кн.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 267.

¹⁰¹ *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XIX. С. 73–95.

¹⁰² Там же. С. 80, 84.

¹⁰³ Аксельрод П. Б. Вынужденное объяснение; Потресов А. Н. На суд тт. меньшевиков; Мартов Л. Маленькие причины великой обиды; Мартинов А. С. В поисках за принципиальностью; Горев Б. И. Недреманое око т. Плеханова // Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова. Издание редакции «Голоса социал-демократа»: Сб. статей. Париж, 1910; Потресов А. Н. Критические наброски. О Плеханове // Наша заря. 1910. № 10.

¹⁰⁴ Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. С. 207.

¹⁰⁵ НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 2. Ser. 19.

¹⁰⁶ Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Кн. 3. С. 153.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 406.

¹⁰⁸ Иорданский Н. И. (1876–1928) — меньшевик, редактор журнала «Современный мир».

В 1921 г. вступил в РКП(б), был на дипломатической работе.

¹⁰⁹ ВАР. Boris Sapir collection. Box 16. Ser. 1.

¹¹⁰ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 205.

¹¹¹ ВАР. Boris Sapir collection. Box 16. Ser. 1.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ НИА. Boris Nicolaevsky Collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19; Голос социал-демократа. 1909.

№ 13. Апрель.

¹¹⁶ См.: Рубакин Н. А. Среди книг. СПб., 1913. Т. 2. С. 771–772.

¹¹⁷ В ноябре 1908 г. бывший депутат II Государственной думы, тогда большевик, Г. А. Алексинский (1879–1967) выступил с резкой критикой статьи Мартова «Перед думской сессией» (Голос социал-демократа. 1908. № 8/9) за пропаганду преимущественно легальных форм борьбы думских представителей. Алексинский считал, что положительной иллюстрацией такой работы не могла быть работа социал-демократической фракции II Думы. (НИА. Boris Nicolaevsky Collection. Box 669. Fol. 7. Ser. 279.)

¹¹⁸ АДП. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 142. Л. 1. Бердяев Н. А. (1874–1948), в молодости с.-д., «легальный марксист», затем религиозный мыслитель и автор многих философских и социально-политических трудов. Раппопорт Х. (1865–1940), народоволец, с.-д., деятель французского социалистического движения. 22 августа 1908 г. Мартинов писал Аксельроду о том, что Мартов и Дан, узнав о его безденежье, помогли ему с устройством на работу и дали займы и в долгосрочный кредит «без отдачи», так что он мог приобрести себе новые штаны. (НИА. Boris Nicolaevsky collection. Box 542. Fol. 7. Ser. 252.)

¹¹⁹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 1. С. 251.

¹²⁰ И. Дойчер считал издание «Правды» не самым успешным журналистским начинанием Троцкого. По его мнению, со страниц газеты Троцкий обращался не к политически грамотным партийцам, а к «простым рабочим» и хотел «служить» своим читателям, а не «руководить» ими. (Дойчер И. Вооруженный пророк. 1879–1921. С. 204.)

¹²¹ Материалы конференции были изданы тогда же, протоколы заседаний позже переизданы. (См.: Всероссийская конференция РСДРП (в декабре 1908 г.). Париж, 1909; Протоколы V Всероссийской конференции РСДРП // Кентавр. М., 1994. № 5, 6; 1995. № 1, 2, 4, 5. Частично материалы конференции опубликованы: Ленинский сборник. Т. XXV. С. 28–33; Ленин В. И. Соч. М.; Л., 1930. Т. XIV. Приложения. С. 444–451. Резолюции Всероссийской декабрьской конференции РСДРП; Большевики. Документы и материалы. 1903— февраль 1917 гг. М., 1996. С. 304–309.) Роль V Всероссийской конференции советская историография оценивала как очередную победу Ленина и большевиков над меньшевиками. (Барчугов П. Пятая конференция РСДРП (общероссийская 1908 г.). М., 1955; История КПСС. М., 1967. Т. 2. С. 259–262; Горелов И. Е. Идеиный и организационный разгром оппортунизма в РСДРП. 1907–1912 гг. М., 1983. С. 60–62; и др.) Иное мнение о работе конференции высказывали меньшевики. Мартов тогда писал Плеханову: «Положение меньшевиков в данный момент исключительно плохое; они превратились в действительное меньшинство, и притом дезорганизованное. На последней партийной конференции они представляли ничтожную группу и вотируют очень нелепо: например, голосовали за резолюцию о «недопустимости фракционных центров» (из 5 меньшевиков не голосовал за нее один Дан). Вопрос о том, как помочь делу, занимает теперь всех нас». (Мартов Ю. О. Избранное. С. 555.) Дан полагал, что эта конференция «не принесла никаких положительных результатов... Ситуация в партии не толь-

ко не улучшилась, но и продолжала ухудшаться. Раскол в партии усиливался». (*Martow J., Dan Th.* Указ. соч. С. 241–242.)

¹²² Кентавр. 1994. № 5. С. 65, 66. Среди делегатов конференции были меньшевики Аксельрод, Дан, Рамишвили, Горев; большевики Ленин, Н.Н. Батулин, Зиновьев, М.Н. Лядов, В.П. Денисов, А.М. Буйко и др. На конференции были представители польских социал-демократов Ю.Ю. Мархлевский, Л. Тышко, Я.С. Ганецкий и др.; Бунда — Ф.М. Ионов (Койген), И.Л. Айзенштадт (Юдин), А.И. Вайнштейн (Рахмилевич). Одним из технических строителей конференции был полицейский агент, большевик Я.А. Житомирский, давший подробный отчет о всех заседаниях конференции Охранному отделению. (*Ленин В.И.* Соч. Т. XIV. М., 1930. Примечания. С. 483.) Отчет Житомирского был широко использован жандармским генералом А.И. Спиридовичем и московским Охранным отделением. (*Спиридович А.И.* Революционное движение в России. РСДРП. Вып. 1. СПб., 1914. С. 182–190; *Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного отделения.* М., 1990. С. 66–73.) А.В. Луценко, ссылаясь на письмо Г.А. Алексинского М. Горькому (13 января 1909 г.), пишет, что конференция фактически была сорвана из-за отсутствия кворума: налицо было всего 5 делегатов из 9–11, остальные по разным причинам не приехали. А.А. Богданов и В.Л. Шанцер выступили с протестом против решения приписать членов Большевистского центра к делегатам конференции, но это успеха не имело. Ленин настоял на своем. (*Луценко А.В.* Начало конфликта между В.И. Лениным и А.А. Богдановым (1907–1909 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 37.) О нелегитимности конференции говорили и ее делегаты-меньшевики.

¹²³ В заявлении на конференции от имени кавказской делегации говорилось: «Принимая во внимание: 1. Что, как видно из доклада ЦК, все наличные члены его являются совершенно неосведомленными насчет состояния положительной общепартийной работы и давно не принимают в ней никакого участия; 2. Что весь организационный аппарат ЦК находится в состоянии такого расстройтва, что провал одного из членов русской части ЦК не только повлек за собой полную приостановку всякой работы, но и привел к тому, что делегаты, выбранные на конференцию, не могли до нее добраться; 3. Что конференция без всякой серьезной надобности созвана ЦК за границей и притом в столь отдаленном пункте, как Париж; 4. Что в связи со всем этим конференция по своему составу и в отдаленной степени не является всероссийской, ибо на ней осталась непредставленной большая часть России (Юг, Спилка (Украинский с.-д. союз. — И.У.), Донецкий округ, Крым, Северный Кавказ, Волга, Северо-Западный край, Сибирь и т.д.) и с.-д. Латышского края; 5. Что и из числа участников конференции лишь немногие за последнее время принимали более или менее постоянное участие в местной работе. Ввиду этого данное совещание никоим образом не может претендовать на представительство общественного мнения партии». (Кентавр. 1995. № 1. С. 112–113.)

¹²⁴ Там же. С. 129.

¹²⁵ Там же. С. 118.

¹²⁶ Кентавр. 1995. № 2. С. 130–131.

¹²⁷ Кентавр. 1995. № 4. С. 130–131, 134–135.

¹²⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 354–357.

¹²⁹ *Голубков А.* На два фронта. Из эпохи реакции. М., 1933. С. 37, 38. Голубков А.П. (Давыдов. 1880–1945), большевик с 1903 г. Работал в Центральном техническом бюро партии по транспорту литературы и переправке людей за границу. Участник декабрьского (1905) вооруженного восстания в Москве. Летом 1907 г. после короткой эмиграции вернулся в Россию и стал секретарем Русского бюро ЦК РСДРП. Участник V Всероссийской партийной конференции.

¹³⁰ Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 315, 333.

¹³¹ Вопросы истории. 2003. № 1. С. 29–30, 37.

¹³² *Хеймсон Л.* Большевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 5–6. С. 120–121.